

82.3Кч
1055

ЮНОСТЬ МАНАСА

КЫРГЫЗСКИЙ ЭПОС

82.3ж4
1055

ЭҮНӨСӨНЬ МАНДАРА

KT

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

по мотивам казахского эпоса

художник Э. Халмурзин

РАРИТЕТ

Бишкек • 2005

82, 3кн-6
УДК 82/821-93

ББК ~~83.8~~

Ю 55

Для среднего и старшего школьного возраста

Литературная обработка В. В. Кадыров

Ю 55 **Юность Манаса:** Для сред. и ст. шк. возраста/ Текст: В. В. Кадыров; Худож. Э. Халмурзаев. — Б.: Раритет, 2005. — 56 с.; ил.

ISBN 9967-424-30-3

Эпос «Манас» — уникальный памятник народного творчества кыргызов. Эпосу более тысячи лет. По объему он превышает известные эпические произведения народов мира. «Манас» включен ЮНЕСКО в список уникальных творений человечества.

Герой эпоса — Манас — символ доблести, мудрости и великодушия для многих поколений кыргызов.

В настоящей повести рассказывается о детстве и юности Манаса — времени становления его личности и характера, времени избрания его верховным ханом кыргызов.

Герою предстоит сражаться не только с врагами своего народа, но и с фантастическими чудовищами. Ему помогают силы Добра и Дух кыргызского народа.

Для детей среднего и старшего школьного возраста.

Ю 4803000000-04

УДК 82/821-93

ББК 83.8

ISBN 9967-424-30-3

© Издательство «Раритет», 2005

Содержание

Непослушный сын

7

Ночь перед расставанием

10

Чудесная встреча

14

Приключения продолжают

18

Первая схватка

22

Обстановка накаляется

26

Битва

29

Караван из Кытая

33

Встреча двух братьев

38

Схватка с Незкарой

41

Курултай на Айдын-Кёле

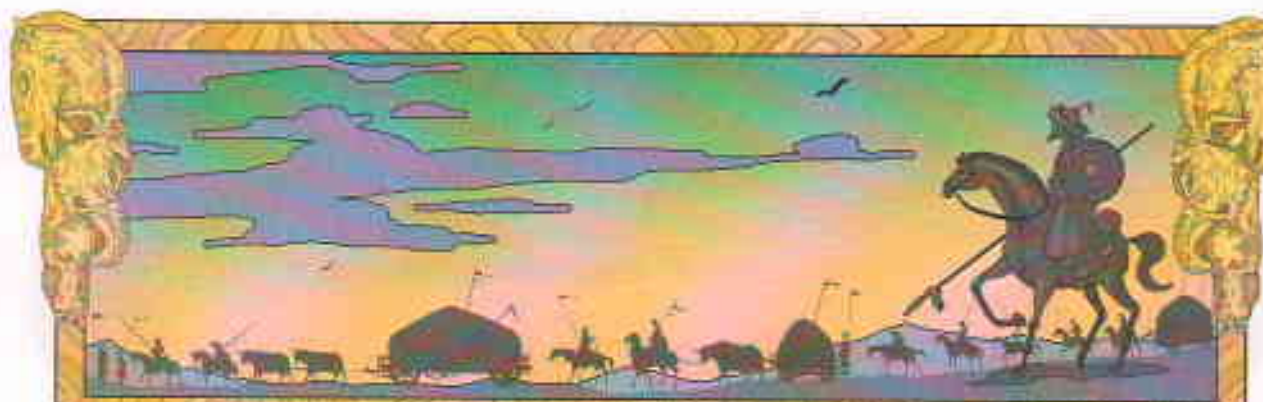
45

Схватка на реке Орхон

49

Избрание ханом

52

Это было более тысячи лет назад. Смерть и разорение пришли на земли кыргызов. Зеленая трава выбивалась бесчисленными конскими копытами. Пыль столбом поднималась над движущимися войсками кытаев, заслоняя жгучее солнце и смешиваясь с черным дымом горящих селений. Пятьдесят сотысячных армий послал Эсен-хан против хана Ногоя, который осмелился потеснить кытаев с Тянь-Шаня, подняв свое алое знамя свободы над кыргызскими племенами.

На огромной территории — от далекого озера Лоб-Нор за зыбучими песками великой пустыни Такла-Макан, где была восточная ставка хана Ногоя, до благодатной Ферганской долины — правили кыргызские баи, признающие верховную власть Ногоя. Карашаар и Куча, Тянь-Шаньские горы и Кашгарские степи, Алай и Алтай — везде кочевники вели мирную жизнь под защитой Ногоя.

Кытайский хан Эсен не хотел мириться с тем, что западные земли вышли из-под его императорской власти и управляются своевольными кыргызами. Он послал против них несметное войско, какого никогда прежде не видели седые вершины Тянь-Шаня.

Кыргызские батыры сражались как львы, но силы были неравны. По всей земле от Лоб-Нора до Ферганы лилась кровь, окрашивая реки в багряный цвет. Синее небо стало черным от дыма и пыли. К небесам неслись стоны раненых и умирающих. И над всем этим — нескончаемый гул движущихся войск, топот копыт, лязг оружия и резкие команды полководцев. Казалось, все силы ада вырвались на свободу из-под земли и заполнили нескончаемым потоком горные долины Тянь-Шаня и Алтая, пустынные равнины Кашгара.

Верная дружина Ногоя плотным кольцом окружила место последнего приюта своего хана. Воины, закованные в железные панцири, образовали сплошную стену из сдвинутых щитов, выставив вперед копьа. Лучники, расположившиеся перед этой кольцевой стеной и внутри нее, посылали в сторону противника тучи стрел. А натиск надвигающихся кытаев сдерживала конница. Всадники яростно врезались в массу наступающих врагов, нанося смертоносные удары мечами и палицами направо и налево. Трупы убитых, десятками и сотнями лежащие друг на друге, создавали дополнительное препятствие на пути кытайских воинов.

В центре этого гигантского круга на разостланных шкурах лежал смертельно раненый Ногой. Широкие скулы и резкие черты лица говорили о сильном характере кыргызского хана. Глаза его были закрыты, дыхание хрипло и порывисто. Его последние слова были обращены к стоящим вокруг него людям:

— Мои братья, Чыйырды и Шыгай! Мои сыновья, Орозду, Усен, Бай и Джакып! Пришло время нам расстаться! Не жалейте о моей смерти — я умру свободным человеком! Пусть недолгой была наша вольная жизнь, но мы смогли показать великому Кытаю, что кыргызы мощная сила и что с нами надо

считаться! Посмотрите, как они нас боятся — Эсен-хан прислал пять миллионов воинов, чтобы победить наших горных львов! Каждый наш джигит стоит тысячи кытайских воинов... Но время пришло. Вы должны остановить эту бойню — во имя будущего. Не дайте кытаям истребить наш народ до последнего человека. Сдайтесь на милость победителю. Просите пощады.

При этих словах Ногоя среди стоящих вокруг него людей пронесся недвольный ропот. Они считали позором сдаться, а не умереть на поле сражения!

— Тише! У меня мало времени, — хан с трудом открыл глаза и посмотрел в небеса невидящим взором. — Я вижу батыра! Я вижу льва, который пьет кровь кытайского хана. Я вижу орла, который раздирает сердце Эсен-хана! Это он, я узнал его! Этот лев в обличье человека являлся ко мне во снах! Он вдохновлял меня на борьбу с кытаями!

Окружающие Ногоя люди с недоумением и жалостью глядели на своего хана. Видно, помутился у него рассудок от близости смерти!

— Джакып! У тебя родился сын, я поздравляю тебя! — продолжал Ногой.

— Ата! — рыдая отозвался младший сын Ногоя. — Вы бредите, у меня еще нет жены! Я молод!

— Не говори глупостей, юнец! — перебил его Ногой. — Твой первенец лежит рядом со мной, как бы я не задавил его невзначай! Береги его, Джакып!

В этот момент раздались дикие вопли кытаев, разъяренных собственным бессилием перед бесстрашными всадниками Ногоя.

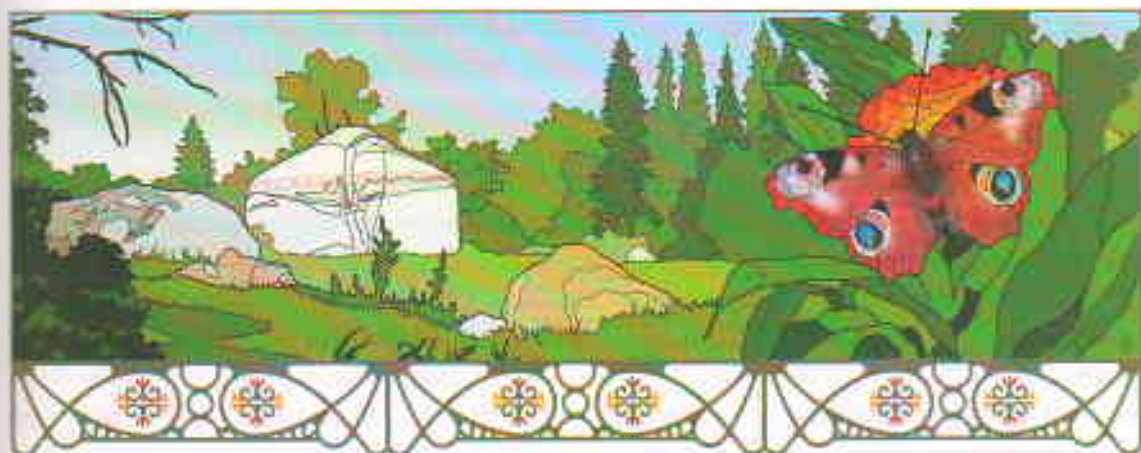
— Торопитесь, братья! Вы должны спасти людей, сложите оружие! — вновь произнес Ногой.

Словно темная туча на мгновение скрыла солнце и погрузила весь мир во тьму. Мгновенно стих шум борьбы, и слышались только причитания пораженных ужасом людей.

Когда тьма рассеялась, из уст родственников кыргызского хана вырвались возгласы удивления. Тело Ногоя исчезло... вместе с покрывавшим его альым знаменем!

В наступившей тишине раздавались команды кыргызских военачальников, призывавших своих воинов сложить оружие.

Непослушный сын

Восточная часть Тянь-Шаньских гор, где берут начало могучие реки Или и Тарим, гигантским языком врезается в выжженные пески Джунгарии и Такла-Макана. До подножия горных хребтов доносится и другое знойное дыхание — великой пустыни Гоби. Но многочисленные озера, надежно укрытые горными хребтами, величественные ледники и реки, скачущие по крутым ущельям, — эти бесценные водные сокровища — создали в этой части земли неповторимое зеленое царство.

Склоны гор здесь покрыты густой и сочной травой. Буйно цветут растения и кустарники, распространяя медвяный запах. Тысячи насекомых наполняют округу гудением и стрекотанием. Переливистые трели птиц улаживают слух всякого странника, оказавшегося здесь волею судьбы. Уставший от унылого однообразия выжженных склонов, оставшихся позади него, путешественник оживает и молит Всевышнего о милости к этой благодатной земле — земле Тянь-Шаня.

Эта горная страна с давних пор давала приют многим племенам кочевников: вверх по Или поднимались со своими стадами казахи, догоняя уходящую в горы весну; здесь прятались от жгучего зноя калмаки и джунгары, когда выгорала трава в Джунгарской степи от летнего солнца; кочевали со своим скотом многочисленные ногайцы, торгоуты и манджу. Всем хватало места. И именно здесь, в верховьях реки Или, несущей свои воды в бескрайние казахские степи, расположился небольшой аил¹ кыргызского бая Джакыпа.

Когда-то давно, еще юношей, приехал в эти земли Джакып. Не по своей воле покинул семнадцатилетний сын великого Ногая свою родину — Талас. Кыргызское войско было разбито кытаями, а потерявшие в одночасье и отца и мать четыре брата были сосланы в разные земли. Старший сын Ногая, Ороаду, со своим многочисленным семейством был заперт в долине Алая. Второй, Усен,

¹ Аил — стоянка, селение кочевников.

с сыновьями был отправлен далеко на восток, в сибирские леса. Третий, Бай, с двумя сыновьями поселился в Кашгарских степях, а младшего — Джакыпа отослали в Алтайские горы.

Не добрался до далекого Алтая сирота. В семье Чайна, сына Бёена из племени манджуров, живущих на востоке Тянь-Шаня, нашел приют кыргызский юноша. Впрочем, многие кочевники и эту землю называли Алтаем, хотя туда было еще несколько дней пути вдоль длинного Джунгарского хребта на восток.

Джакып так ловко управлялся со стадами Чайна, что тот в знак благодарности выделил ему часть скота и отдал в жены свою дочь Бакдёлёт. У Джакыпа к тому времени уже была одна жена — Шакан, оставшаяся вдовой после смерти его дяди Чыйыра. По кыргызскому обычаю, после проведения аша — годовщины смерти аксакала¹, племянник взял Шакан в жены. Всевышний не дал им ребенка. Вторая жена Джакыпа — Бакдёлёт тоже оказалась бесплодной.

Джакып был справедливым и заботливым баем, и к нему прибывались те, кто остался без крова и помощи в родных аилах. Одни были из кыргызских, другие из казахских, третьи из нойгутов и иных племен, пострадавших от притеснений калмаков и кытаев. Джакып всем давал кров и надежду на лучшую жизнь. Пришлые люди гордились тем, что их, как и уважаемого ими бая Джакыпа, называли кыргызами.

Аил Джакыпа состоял уже из семидесяти семей. А скота у кыргызского бая теперь было больше, чем у любого жившего по соседству племени. Скот для кочевника — единственное богатство, поэтому Джакып считался на Алтае очень богатым человеком. Видно, Небо охраняло его. А в пятьдесят лет кыргызский бай чуть не умер от счастья — Всевышний помог Чыйырды, так по имени первого мужа прозвали Шакан, родить Джакыпу наследника — сына Манаса. С тех пор минуло десять лет. И вот уже перед Джакыпом, волосы которого сверкали серебром, сидел сын-юноша. Посторонний человек вряд ли бы догадался, что этому юноше десять лет. На вид Манасу было не меньше пятнадцати.

— Ты опять бросал камни в священный мазар², когда там молились люди, — в который раз пытался увещевать сына Джакып. — Небо покарает тебя за такое богохульство! А недавно ты сломал святую арку у источника — сотни паломников прокляли тебя!

— Отец, эти глупые святыни с их беспомощными духами не могут защитить людей от несправедливости и от бед! Почему люди вместо того, чтобы взяться за оружие и дать отпор ненавистным калмакам и кытаям, грабящим и убивающим их, бегут к этим мазарам и, как трусливые шакалы, воют о спасении? — в глазах Манаса полыхнул мрачный огонь.

Джакып испуганно замахал руками:

— Молчи, сынок мой! Не накликай беду на нас. Молод ты рассуждать об этом. Мы живем на чужой земле, все наши родичи рассеяны по свету. Я сорок

¹ Аксакал — седобородый; человек почтенного возраста.

² Мазар — гробница, место поклонения.

два года живу на Алтае, ни с кем не ссорился, у всех почет имею. А ты своим поведением позоришь мои седины.

Несмотря на тревожные чувства, снедавшие его душу, Джакып с любовью посмотрел на нахохлившегося сына. Улыбка пряталась в густой белой бороде старика. Он с трудом придал твердость голосу и продолжил нравоучения:

— Пойми, жеребенок мой, нельзя обижать ходжу¹ — он совершил великий путь в святую Мекку. Ты вырвал у дуваны² посох — а он им лечит людей.

— Дервиш³ — шарлатан, а не врачеватель... — начал было возражать Манас, но Джакып остановил его, повысив голос до звенящих нот:

— Ты должен слушать старших и не возражать — это закон кочевников. Нельзя нарушать законы — они даны нам нашими предками. Тысячи лет мы кочуем по земле, и нас охраняют наши законы и обычаи.

— Атаке⁴, расскажите лучше про вашего отца, моего деда великого Ногоя! — взмолился уставший от нравоучений мальчик. И добавил, оправдываясь: — Знать своих предков — тоже наш обычай!

— Ты прав, Манас. Человек, не знающий своих предков, подобен дереву без корней. Недолг будет его век. — Джакып выдержал паузу и продолжил величественным голосом: — О дитя мое, твой род из тюрок-кыргызов. В нем знаменитый Кара-хан и Огуз-хан, основавшие могучие каганаты тюрок. От их потомка Бабыр-хана, сына Байгура, родился Тюбей. От него — Кёгёй, у которого было три сына — Ногой, Шыгай и Чыйыр.

Славный твой дед Ногой потеснил кытаев, правил на всем Тянь-Шане. Подчинялись ему Кашгар и Карашаар. На берегу далекого озера Лоб-Нора ставку имел Ногой. Все мы тогда, кыргызы, в правителях ходили. Но Эсен-хан, правитель могучего Кытая, послал против кыргызов огромное войско в пять миллионов воинов. И они разорили страну Ногоя. Жили мы беззаботно и вот превратились в беспомощных рабов. Много кыргызов погибло. Погиб и твой дед. Его сыновей и весь народ кыргызский развеяли кытаи по свету, чтобы впредь кыргызам не объединиться. А были мы свободным народом — никому не подчинялись!

— Почему же сейчас мы терпим, когда калмаки наш скот угоняют? — запальчиво вскрикнул Манас. От охватившего его гнева зрачки темных глаз вновь запыльхали мрачным огнем.

Напуганный внезапной вспышкой сына, несчастный отец сурово проговорил:

— Манас, своим поведением ты снискал себе славу бесноватого, одержимого. Ты не умеешь сдерживать себя, **выказывать** уважение другим. Я боюсь, что Небо покарает тебя, сынок! Как мы без тебя останемся? Ведь мать в тебе души не чает, не надышится на тебя. Пожалей своих старых родителей, жеребенок.

Джакып закрыл лицо руками и сидел, горестно размышляя.

¹ Ходжа — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку.

² Дуван — юродивый, нищий.

³ Дервиш — мусульманский нищенствующий монах.

⁴ Атаке — уважительное обращение к своему отцу.

Ночь перед расставанием

— Апа¹, расскажите сказку про меня, — попросил Манас. Уложенный в постель раньше обычного, мальчик никак не мог заснуть и беспрестанно ворочался под одеялом.

— Я тебе, миленький, столько уже раз рассказывала. Не устал слушать? — отозвалась Чыйырды, занятая вышивкой затейливых узоров шелковой нитью на кожаных штанах сына.

— Еще только один раз, — взмолился мальчик. — Завтра отец отвезет меня в горы к одному богатому человеку. Я там буду ягнят пасти. Отец сказал, что за хорошую работу богач обещал скотом расплатиться. Я уже достаточно большой, чтобы вам помогать.

Чыйырды неспешно начала свой рассказ, а воображение ребенка рисовало яркие картины.

Вот его несчастный атаке, горестно взывающий к Небу, рыдающий о бесплодии жен. «Все будет хорошо!» — отвечает ему Небо тихим голосом.

А вот чудесный сон его матери. Явился к ней седобородый старик, посланник Аллаха, и сообщил, что Всевышний сжалился над слезами Чыйырды и Джакыпа. Вручил старик ей огромное белое яблоко и попросил съесть его. Яблоко оказалось слаще меда и наполнило собой весь живот женщины. Выполз из нее, шипя, гигантский дракон в семьдесят метров длиной. А Чыйырды сама великаницей стала. Оседдала вместо коня того дракона, а он вдохнул и втянул в себя весь мир.

И отцу его, Джакыпу, сон снится. Сокол с золотым оперением, стальными когтями и клювом прилетел к нему. Стал Джакып кормить птицу лунным светом, свитую из серебра веревку на нее надел. На шесть посадил сокола. От его грозного вида другие птицы не смеют по небу лететь, звери от страха по норам попрятались.

¹ Апа — мать.

Вот собрались на совет старейшины, чтобы истолковать вещие сны Джакыпа и Чыйырды. «Родится сын!» — твердят одни аксакалы. «Он будет правым миром!» — предвещают другие.

Вот Чыйырды, увидевшая вещий сон, молит Джакыпа зарезать сорок лошадей. Тот в гневе — да мало ли что там аксакалы нагадали! Может, сын и родится, зачем же попусту забивать столько кобылиц? Скот же большим трудом наживается. Рассерженный Джакып выходит из юрты и в ночной тишине слышит голос: «Атакэ, зачем вы мою мать расстраиваете? Не печальтесь из-за добра, богатства всего света найдете!»

Вот казашка Канымджан ругает бая Джакыпа за промажу своего сына Мендибая. Бай забыл привязать своего коня Туучунака, и тот убежал. Мальчик отправился на поиски коня — и не вернулся.

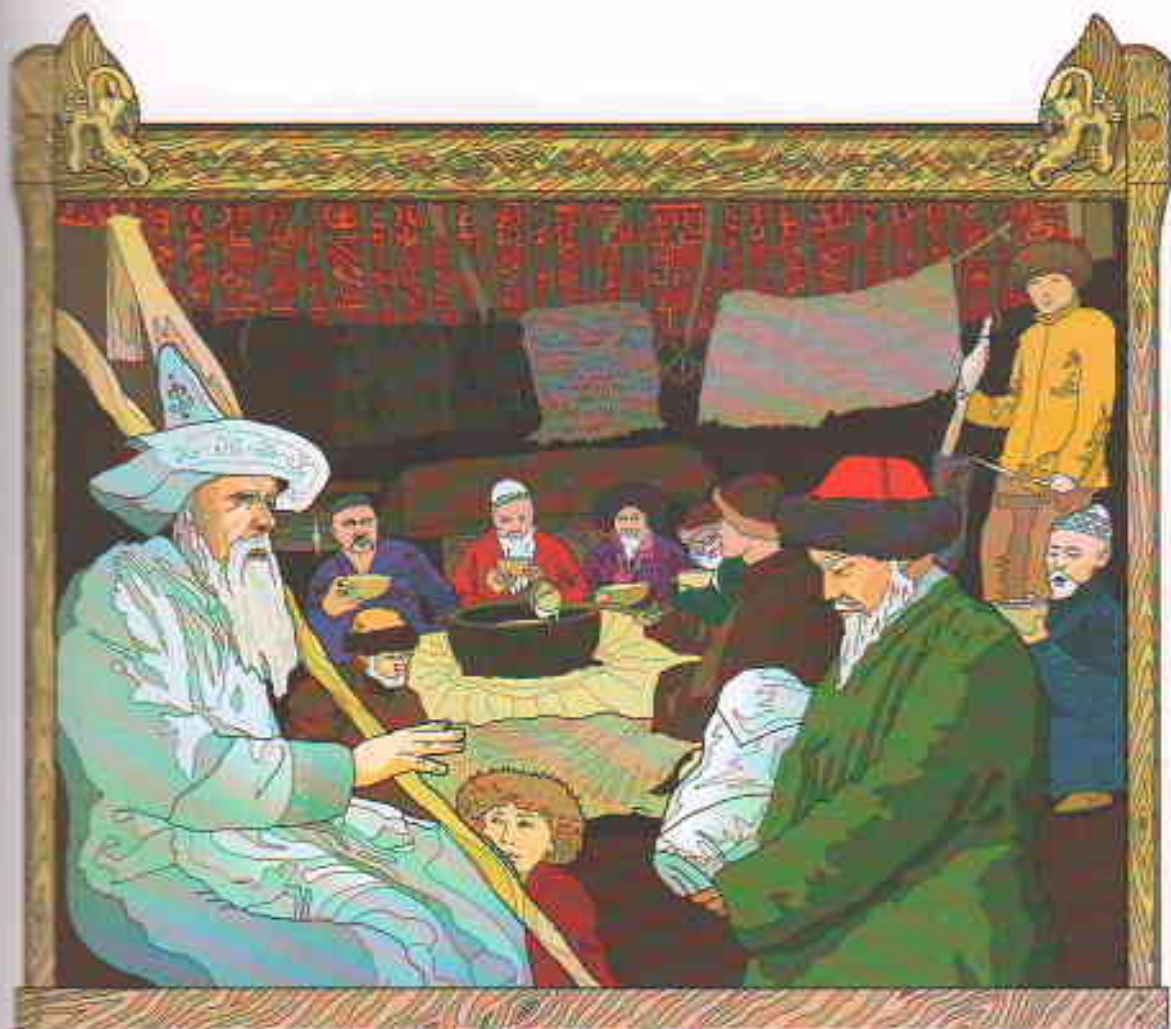
Отправляется бай Джакып на розыски мальчика. Ищет его всюду, зовет «Мендибай!» Клянет своего коня за крутой нор. Вдруг видит — на острове посреди реки пасется его Туучунак! Мальчика рядом нет, а конь покрыт шкурой белого тигра. Сжалось сердце Джакыпа — не разодрал ли тигр сорванца? И где тот человек, что тигра убил?

Вот из леса выходит невредимый Мендибай, с улыбкой на лице. Рассказывает Джакыпу удивительную историю. Бежал он за Туучунаком долго и уже отчаялся поймать его, как выбежали вдруг из-за горы сорок мальчиков и тоже припустили за конем. Туучунак добежал до леса и хотел скрыться в нем, но вдруг из зарослей выскочил белый тигр и бросился на Туучунака. Норовистый конь лягнул зверя копытом, а тут и один из мальчиков подскочил — огрел тигра палцей по голове. Хищник издал оглушающий рык и повалился замертво. Сняли мальчики со зверя шкуру и набросили на Туучунака. Подошел к Мендибаю удалец, ударивший тигра, и пригласил его поиграть с ними. А когда прощались, сказал тот мальчик Мендибаю: «Бедняга мой отец, бай Джакып, совсем извелся от горя. По ребенку горюет. Пока к нему не приду, не успокоится».

Манас, слушая нескончаемый рассказ матери, в который раз попытался напрячь свою память — есть что-то заветное, тайное, известное только ей. Ведь если правда все то, что рассказывает ему мать, то он, Манас, — не случайно появился на свет. Его рождение было угодно Богу небес! Схватки у Чыйырды длились восемь дней. Разве такое бывает? Не хотел Манас выходить на свет божий. Женщины, помогавшие при родах, так устали, что руки им свело. Чыйырды, держащаяся за специально для этого случая установленный посередине юрты золотой кол, так измучилась, что едва сознание не потеряла. И только когда в юрту влетела божественная Умай-эне¹ и стала выталкивать дитя, приговаривая: «Твоя доля в брэнном мире», — вышел из чрева Манас.

А сейчас он прислушивался к себе — должно было быть внутри него что-то, что отличает его от других людей! Но он прожил уже десять лет — и

¹ Умай-эне — мифическое существо, охраняющее младенцев; покровительница домашнего очага.

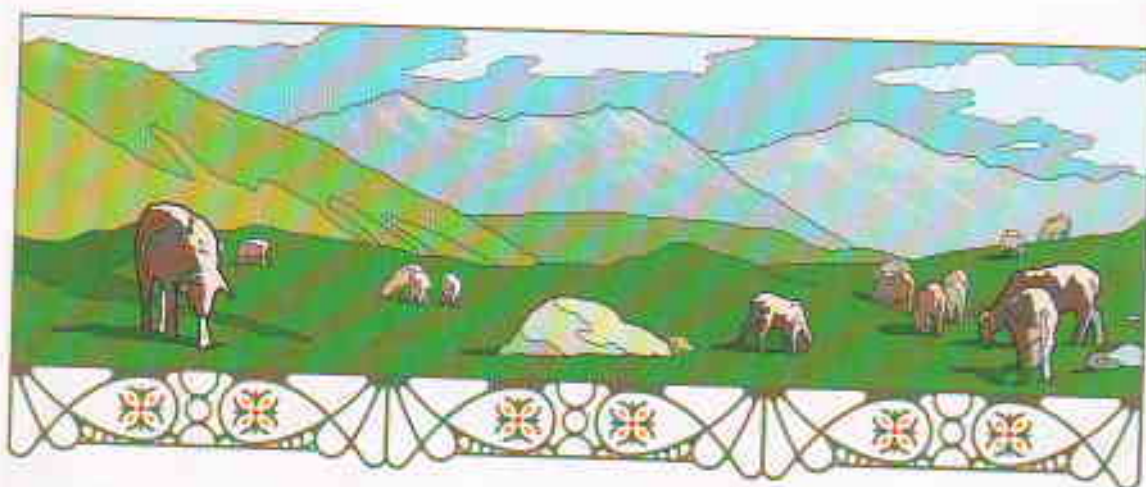

до сих пор не было ни одного знака от Всевышнего. Может быть, он действительно еще очень мал для выполнения своего предназначения? И в чем оно заключается?

Когда Манас появился на свет, все дивились ему — столь необычному ребенку. Все старейшины собрались, чтобы найти ему имя подстать. Долго спорили аксакалы, но так и не смогли подобрать подходящее имя. И только дувана в белом одеянии и с огромным посохом, невесть откуда появившийся и потом неизвестно куда девшийся, сумел предложить имя мальчику, которое с восторгом было принято всеми: «В начале имени пусть будет буква «мим» — это начертание имени пророка. В середине пусть будет «нун» — начертание имени святого. А в конце «син» — образ льва. А вместе будет «Манас», да уберезет его Всевышний!»

— Манас, — еле слышно вслед за матерью повторил мальчик. — Это имя будет обласкано Аллахом!

Все дальше и тише становился голос Чыйырды, все ближе и яснее виделись Манасу фигуры таинственных воинов. Он хотел взглядеться в их суровые лица, запомнить их, но сон окутал все пеленой.

Чудесная встреча

Прошло уже семь дней с тех пор, как привез Джакып сына к своему пастуху Ошпуру. Манас не должен был знать, что Ошпур — простой чабан. Поэтому Джакып поприветствовал Ошпура словно богатого бая и попросил оказать ему милость — взять сына в помощники пасти ягнят. В тайне от Манаса Джакып поручил Ошпуру и его помощнику Кадообаю присматривать за мальчиком: «Будьте с ним построже — пусть иногда и поголодает. А если дерзнуть будет, так и поколотите. Только на пользу строгость ему пойдет, может, возмужает дитя мое», — так говорил своим работникам бай.

Манас сразу сдружился с сыном Кадообая Чегебаем. Вдвоем они пасли ягнят, скрашивая медленно текущее время бесконечными разговорами.

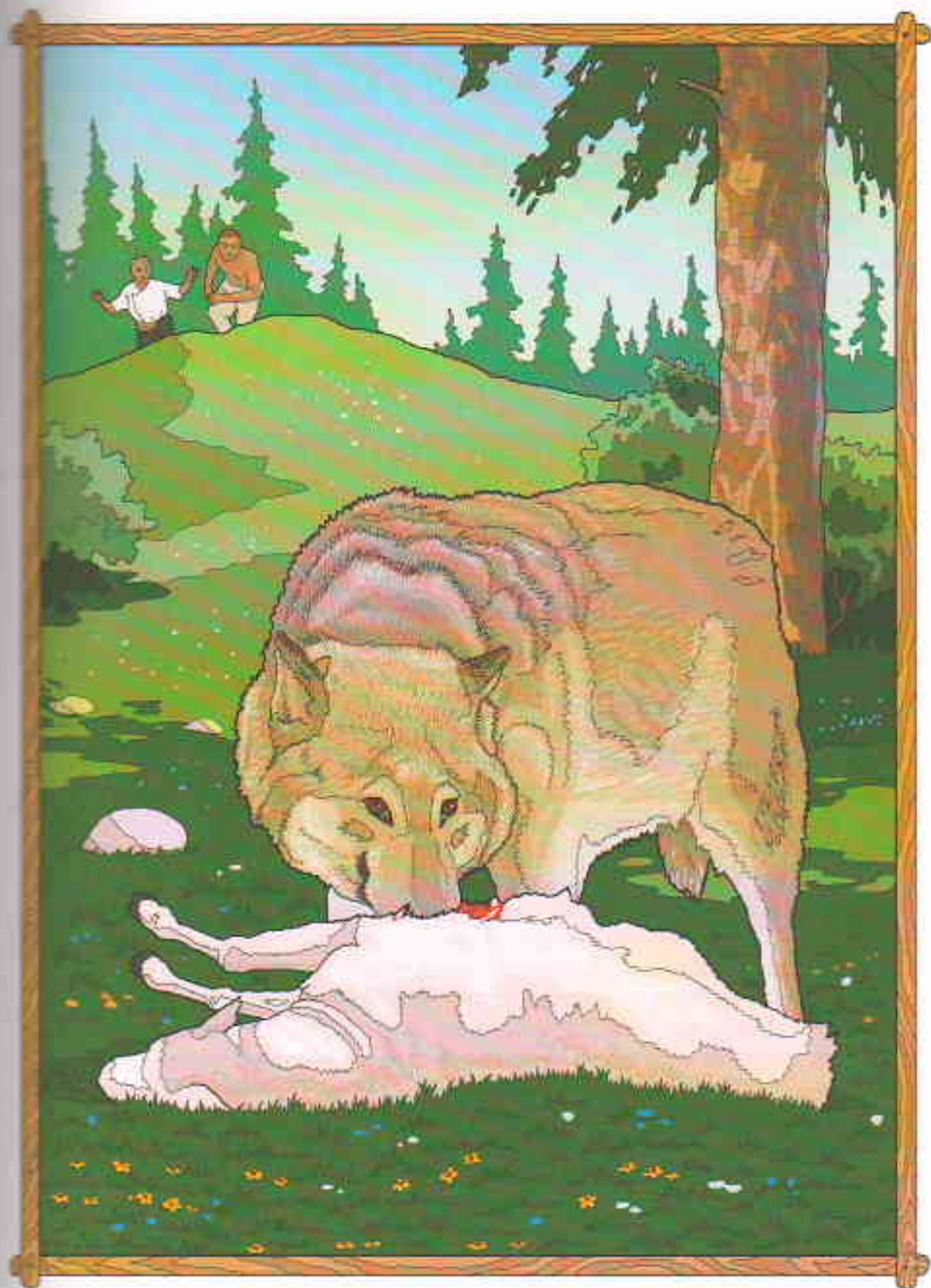
Вот и сейчас они сидели на вершине небольшого холма, у подножия которого паслись их ягнята.

— Чеге, что за странная собака появилась в стаде — она схватила одного ягненка! — воскликнул Манас, дернув за рукав сидевшего рядом с ним мальчика. Чеге обернулся и увидел, что огромный волк, придавив ягненка, вырвал большой кусок из его тела.

— Ой-бой! Это не собака, это — волк! Пропали наши ягнята! — и Чегебай бросился к волку, размахивая палкой.

— Стой, Чеге! Может, он съест одного — и сам убежит! — попытался остановить товарища Манас, видя, что серый хищник намного больше, чем его друг.

— Он пока всех овец не перережет — не успокоится! — крикнул на бегу Чегебай, но тут же внезапно застыл на месте, остановленный пристальным взглядом желтых глаз волка. Хищник злобно рыкнул, и перепуганный мальчик опрометью пустился назад.

Какая-то сила подхватила Манаса, и он бесстрашно бросился на волка. Зверь закинул ягненка себе на спину и побежал в сторону гор. Манас — за ним.

— Манас, осторожно! Волк может и на человека напасть! — кричал вслепому товарищу Чегебай. Но Манас твердо решил догнать зверя и отобрать его добычу.

Волк, перевалив небольшую гору, скрылся в узком скалистом ущелье. Мальчик потерял хищника из виду, но кровавый след, который оставляла его жертва на камнях, был отчетливо виден. Попытавшись между огромными валунами Манас оказался перед входом в пещеру. Кровавые следы вели туда. Поколебавшись мгновение, мальчик смело шагнул во мрак навстречу неизвестной опасности.

Манас остановился на секунду, чтобы дать своим глазам возможность привыкнуть к темноте. Как только мальчик различил впереди себя слабый свет, он, не раздумывая, бросился вперед.

Очередной узкий поворот привел мальчика в гигантский каменный зал. То, что увидел там Манас, привело его в изумление.

Зал был полон всадниками на крылатых конях. Роскошные одежды людей слепили глаза, все пространство было залито призрачным светом, исходящим от всадников. И, о чудо! — перед Манасом стоял ягненок, целый и невредимый. Манас подбежал к нему, оглядываясь по сторонам в поисках волка. Но серого хищника нигде видно не было. Прижав к себе ягненка, мальчик поразился тому, что на его шкуре не было ни ран, ни пятен крови. Манас вопросительно посмотрел на чудесных всадников.

— Моего ягненка притащил сюда волк. Я сам видел, как он разодрал это создание на части. Скажите мне, куда делся волк, как получилось, что ягненок остался цел. — Манас настолько был поражен происходящим, что ему казалось, узнай он, куда делся хищник и как воскрес погибший ягненок, то и остальное станет понятным.

— Не тревожься, дитя. Разве ты видишь ссадины или раны на своем ягненке? — проговорил один из всадников. — Выслушай нас...

Но Манас, казалось, не понимал обращенных к нему слов.

— Этот волк был похож на большую собаку, только он был серый и бежал большими прыжками. Уши у него торчком стояли. Я сам видел, как он разодрал моего ягненка пополам. Я бежал за волком по кровавым следам. И теперь я здесь, и мой ягненок цел и невредим. Кто вы? — мальчик во все глаза разглядывал необычных людей. Да люди ли это?

Один из всадников сошел с коня и приблизился к Манасу. Белые одежды дервища и белая борода — мальчик узнал его, хотя видел только в своих фантазиях! Это он приснился его матери — Чыйырды. Это он появился на совете старейшин, чтобы дать ему имя «Манас».

Старик ударил посохом о землю и на глазах ошеломленного мальчика превратился в волка. Хищник встряхнулся, и перед Манасом опять стоял удивительный старец.

Это превращение видел и Чеге, пробравшийся следом за Манасом в пещеру. — Я Хызр Илиас¹, — проговорил старец, подходя к Манасу. — Я искал тебя сорок дней. А это мои помощники — сорок чилтенов². Настало время, я должен открыть тебе твоё предназначение. Аллах создал тебя для сражений. Никогда ничего не бойся. Борись за справедливость. Всевышний будет всегда на твоей стороне. Я и мои чилтены поможем тебе, если потребуется тебе наша чудесная сила. Ты должен прославить своё имя, Манас!

Указывая на перепуганного Чегебая, Хызр сказал:

— Зови его отныне Кутубием, он принесет тебе счастье. Этот мальчик будет твоим верным товарищем — чоро. Еще тридцать девять товарищей будет у тебя. Их имена известны мне. Но ты, Манас, их найдешь сам. И помни, время пришло! Внезапно пещера погрузилась во мрак — чилтены исчезли.

¹Хызр Илиас (Кызыр) — бессмертный пророк, покровитель героев и влюбленных.

²Чилтены — сорок мифических существ, обладающих сверхъестественной силой.

Приключения продолжаются

Мальчики вышли из пещеры, ведя за собой на привязи воскресшего ягненка. Свое стадо они нашли около соседнего калмакского анла Сарайман. Оставшись без присмотра, ягнята подались на тучные луга калмаков, куда кыргызам запрещалось гонять скот на выпас. Но мальчики не спешили отогнать стадо подальше от опасных мест. Они все еще находились под впечатлением увиденного.

Взойдя на вершину одного из холмов, Манас повернулся к Чегебаю и сказал:

— Кутубий — так они просили меня называть тебя, Чеге. Ты видел, с каким почтением говорили эти чилтены со мной? А как бесследно исчезли?

Товарищ Манаса закивал головой и добавил шепотом:

— А какие грозные! А какие необычные! Прямо волшебные.

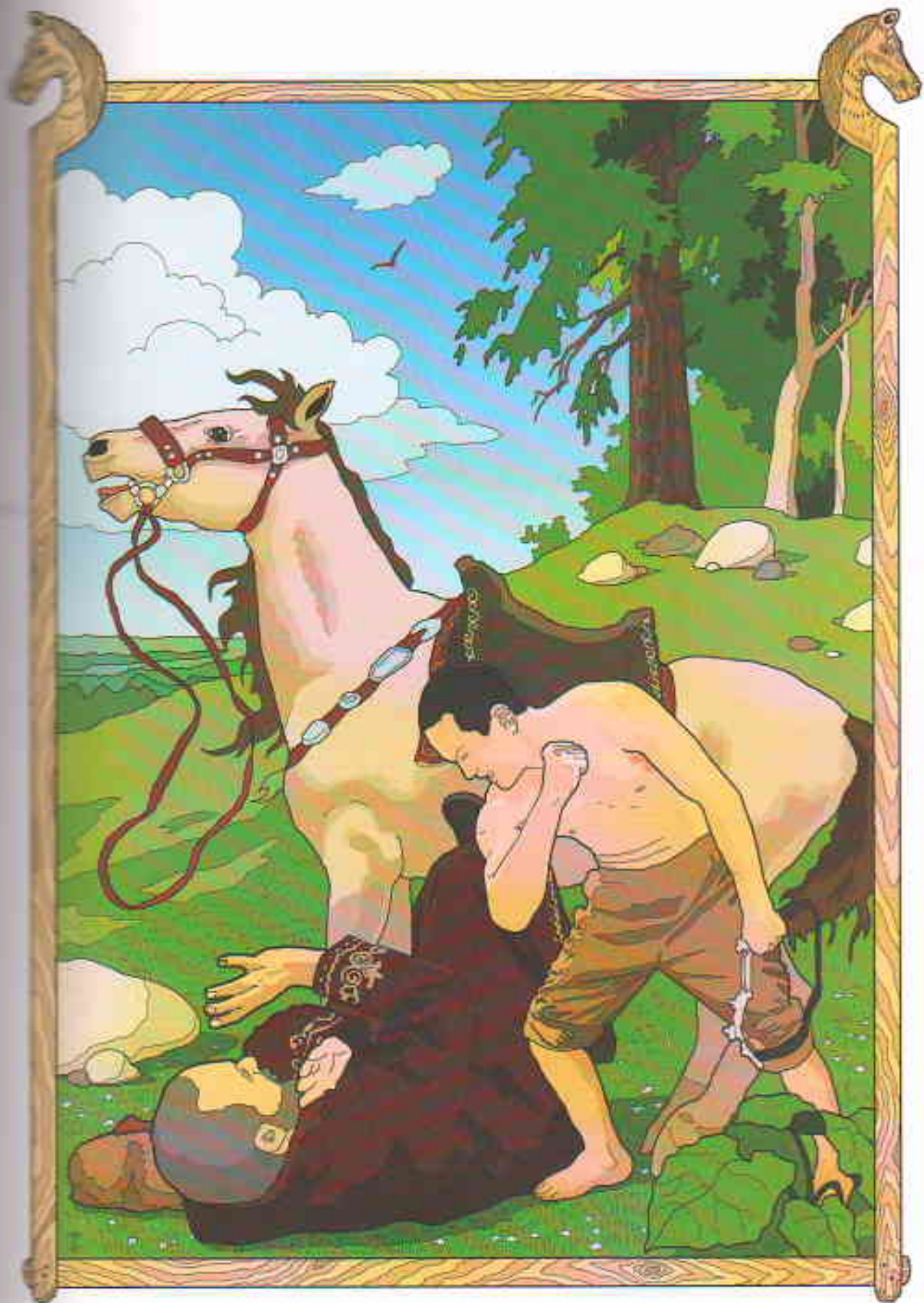
— Они касались руками этого ягненка, — задумчиво произнес Манас. — Значит, он теперь тоже необычный. Давай зарежем его и съедим, — внезапно предложил он Кутубию.

— Нет, родители будут недовольны, — заупрямился было мальчик.

— А мы им не скажем, — быстро нашел выход Манас. Этого аргумента было достаточно. Ведь ягненок-то и впрямь теперь был непростой.

Товарищи собрали хворост для костра и, как настоящие сыновья кочевников, не дрогнув, зарезали животное. Но им нечем было развести огонь — об этом мальчики не подумали раньше и теперь стояли в смятении.

Внезапно раздался хруст ломаемых веток, и из зарослей показались пять телят. Их гнал верхом на лошади старик — калмак Баянчор. Несмотря на почтенный возраст, он был могучего телосложения, и в движениях его чувствовалась сила. Он грозно посмотрел на ребят и прокричал:

— Непутевые дети! Кто разрешил вам зарезать ягненка? Снимут с вас шкуру родители, когда узнают!

— Эй, старик! Не кричи, дай огня! — в голосе Манаса звучала твердость. Калмак грубо выругался и повернул коня прочь. Манас, подбежав, остановил его коня, взяв за узду.

— Я просил у тебя огниво, старик.

Баянчор попытался оттолкнуть мальчика, но Манас с такой силой рванул старика за кожаный пояс, на котором висел нож и огниво, что калмак, не удержавшись, рухнул с коня наземь. Он, несомненно, разбился бы, если бы Кутубий, подскочив, не придержал его сзади. Лопнувший пояс остался в руках Манаса.

— Я только хотел, чтобы ты высек огонь! — сердито произнес молодой батыр. — Иди, пожалуйста Ошпуру, так я и твоих телят, и тебя прирежу, — разошелся Манас. — Забирай своих телят и проваливай подальше. А твоё огниво, пояс и нож у меня останутся — это будет моя добыча!

Пришлось Баянчору убираться восвояси. Опьяненные успехом, друзья развели костер и принялись жарить мясо. За этим-то занятием и застали их четверо ребят из аила Сарайман. Гоня овец на выпас, они увидели незнакомых мальчиков, вторгшихся с ягнятами в их владения. И решили проучить самозванцев как следует — намять им бока, побить до слез, чтобы впредь у них не возникало желания появляться в этих местах.

Они незаметно подобрались к занятым разжиганием костра мальчикам, и старший из них, Айнакул, набросился на Кутубия, повалил на землю и уселся ему на грудь.

С криком: «Эй, отстань от него!» Манас стащил Айнакула с товарища. Но соперник набросился на Манаса с кулаками. Изловчившись, Манас ударил задиру по голове. Удар был настолько силен, что Айнакул лишился чувств.

Манас приподнял голову противника и извиняющимся тоном проговорил:

— Я не хотел так сильно ударить. Но ты первым на нас напал.

— Ой-ей-ей, ты мне голову проломил, — запричитал пришедший в себя мальчик.

— Поднимайся, — Манас попытался помочь Айнакулу встать, но тут трое товарищей поверженного разом накинулись на Манаса сзади. Один из них вцепился в волосы мальчика, другие наносили ему удары слева и справа.

Кутубий не видел толком, что произошло потом, но вскоре все их обидчики валялись в пыли и рыдали навзрыд, размазывая по щекам грязные слезы.

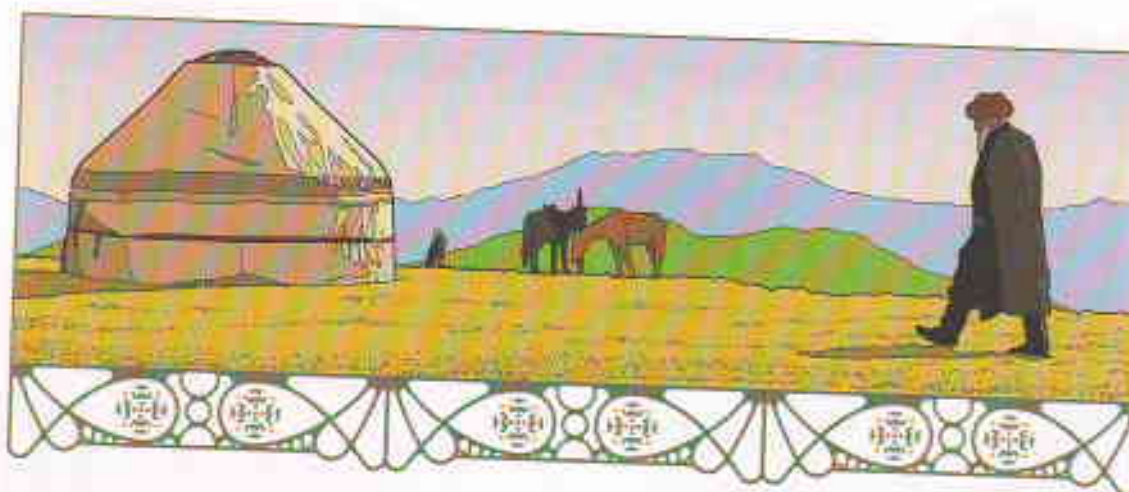
Манас же, прохаживаясь между ними, успокаивал их и приглашал отведать ягненка. Запах жареного мяса способствовал заключению мира.

— Зовите меня своим учителем, — без ложной скромности заявил Манас. Он помнил о тридцати девяти чоро, о которых ему поведал Хызр. Возможно, и эти четверо из их числа?

Мальчики так сдружились, что Манас предложил им вместе переночевать в этом месте. Предложение было принято с восторгом, тем более что их предводитель зарезал еще одного ягненка. Свобода кружила молодые головы.

Наевшись доотвала, ребята согнали всех ягнят в один гурт и завалились спать. Манас вызвался сторожить ягнят и охранять сон своих товарищей. Он все равно не смог бы заснуть, возбужденный последними событиями. Будущее казалось ему таким волнующе-туманным и оттого таким притягательным. Что ждет его впереди?

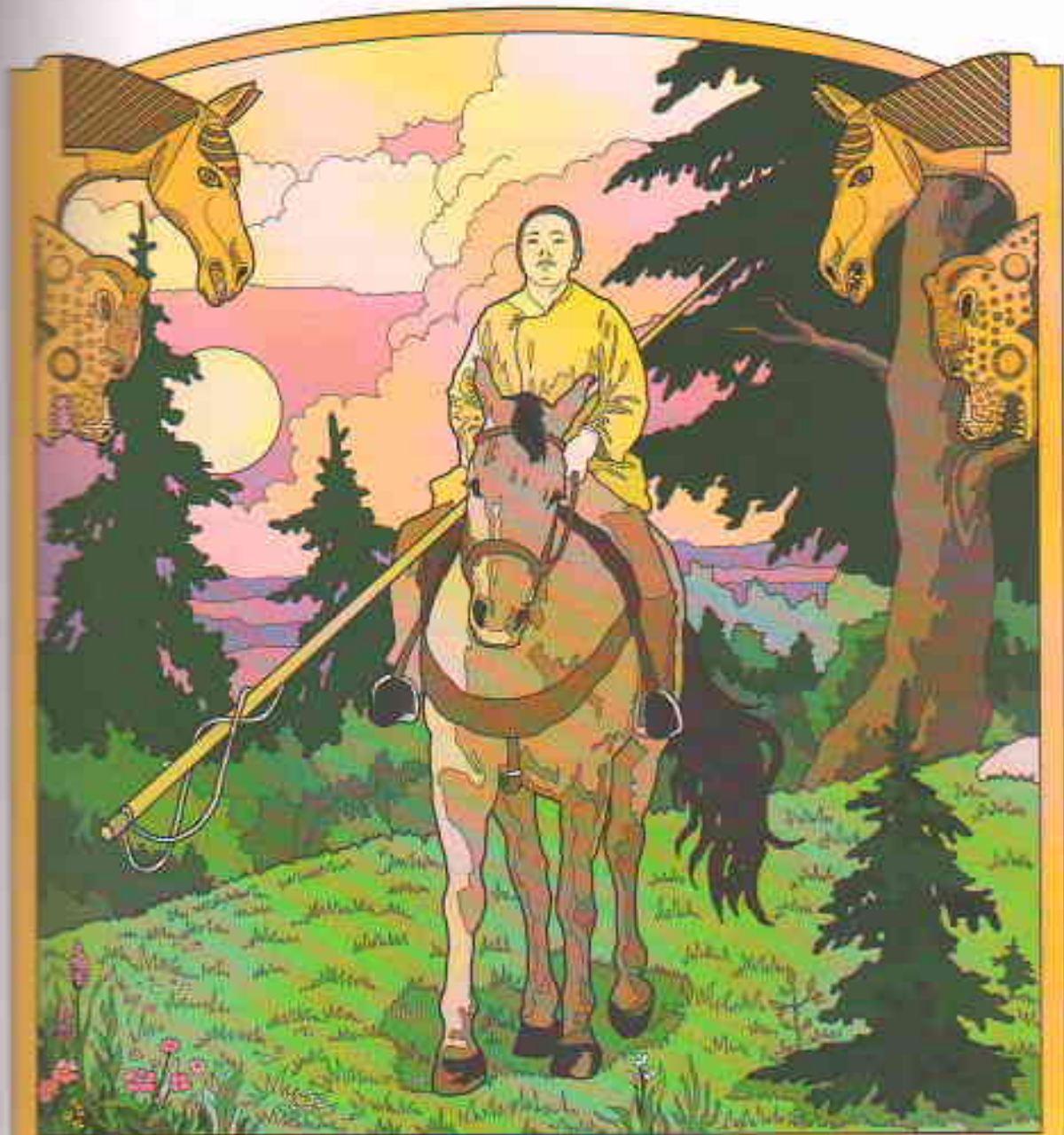
Первая схватка

Бай Джакып ехал полный тревожных раздумий. Великий Аллах! Чего только не наговорил про Манаса пастух Ошпур. Какие-то сказки, лишь бы Джакып забрал мальчишка обратно.

Когда Манас и Чегебай не вернулись вечером с ягнятами, Ошпур и Кадо-обай разволновались: не случилось ли беды? Овцы без ягнят блеют, душу на части рвут. Отправились пастухи на розыски. Все ночь искали, а утром им встретились люди из анла Сарайман. Кто на конях, кто пешком — они искали своих пропавших четверых ребят. Неужели волки напали, перерезали всех ягнят, а дети где?

В тревоге люди обыскивали каждую ложбинку. Вдруг видят вдалеке ягнят, а между ними — шестеро волков крутятся. Ребят нигде не видно! Помчались все спасать ягнят. Приблизились — никаких волков нет, ягнята мирно пасутся, и рядом шесть ребят сидят. Взрослые с расспросами, почему, мол, в степи на ночь остались. Мальчишки и говорят: «Манас ягнят зарезал, мясом угощал». А пересчитали ягнят, все на месте! Зачем ребята наговаривали на его сына? Но и волков-то тоже все видели, а будто и не было их!

Бай Джакып горестно вздохнул и, обернувшись, посмотрел на едущего следом сына. Ох и упрямый! Ошпур и Джакып просили мальчика извиниться перед калмаком Баячором, вернуть тому пояс с огнивом и ножом, но Манас твердил: «Это моя первая добыча, ни за что не отдам!» и даже погнался за стариком-калмаком, прося ему расправой. Хорошо, что калмак на лошади был, ускакал прочь. Ох и горяч Манас! Беда с ним, теперь калмаки обидятся, кыргызам отомстят. Джакып попытался объяснить Манасу, что кыргызы на этой земле — гости, а он: «Чем вечно прятаться, лучше вообще не жить! Все равно рано или поздно умру, так чего мне от калмаков бегать?» Подумать только, и это говорит десятилетний мальчик!

До анла — день пути, и времени на размышления у Джакыпа было предостаточно. Но на полдороге, спускаясь в долину Ак-Отёк, отец и сын услышали впереди крики и шум борьбы. В этих местах табунщики ба Джакыпа пасли его лошадей. Выхав из-за поворота, Джакып и Манас увидели пятерых табунщиков, оборонявшихся от десятка всадников-калмаков. Калмаки пытались угнать часть лошадей. Потревоженные лошади лавиной понеслись вдоль долины. Многотысячное ржание и клубы пыли, поднятой тысячами копыт, наполнили воздух.

Джакып в отчаянии схватился за голову:

— Я им и так тридцать пять лошадей за пастбище отдаю! А они грабят меня вздумали! — запричитал старик.

— Атаке, чьи это табуны? Почему калмаки избивают этих людей? — в тревоге спросил Манас.

— Наши это табуны, пропади они пропадом! — завопил, пришпоривая коня и направляя его в сторону дерущихся, Джакып. — Некому скот наш защитить, все время я с ним мучаюсь! Эй, погодите! Что случилось?! Зачем вы моих коней гоняете?

Увидев хозяина, навстречу Джакыпу поскакал главный табунщик Ыйман. Одежда ключьями висела на нем. Из раны на голове сочилась кровь, лицо было замазано грязью. За ним вдогонку припустили и нападавшие.

Калмаки молча окружили бая Джакыпа, Манаса и подъехавшего к ним Ыймана. Долгую минуту противники оглядывали друг друга.

— Я отдаю плату за пастбище, — проговорил наконец Джакып. — Чего еще вам надо?

Предводитель калмаков великан Кортук грубо выругался по-калмакски и сплюнул на землю.

— Атаке, что он сказал? — спросил встревоженный Манас.

— Мальчик, вам лучше молчать, чтобы хуже не было, — тихо проговорил Джакып, но Кортук внезапно ударил его по голове камчой. Разом, как по команде, остальные калмаки принялись стегать Джакыпа, Ыймана и Манаса плетками. Увернуться от ударов было невозможно. Манас вырвал из рук Ыймана длинный шест — укурук, которым тот ловил лошадей, и нанес им сильный удар по затылку Корука. Калмак бревном рухнул с коня наземь.

Все застыли, глядя на поверженного калмака. Кортук не шевелился. Сомнений не было — он мертв.

— Хватайте этого паршивого мальчишку! — завопил один из калмаков. — Он убил нашего предводителя!

Манас не стал медлить, ухватил поудобнее укурук и бросился навстречу нападавшим. Он наносил удары направо и налево. Калмаки пытались выбить мальчика из седла, но тот ловко увертывался от пронсящих со свистом плетей. Трое калмаков уже лежали на земле. Остальные не выдержали натиска и

пустились наутек, преследуемые Манасом и подоспевшими на помощь табунщиками. Вслед за ними помчался и пришедший в себя от неожиданного поворота событий бай Джакып.

— Остановись, Манас! Пстой, сынок! — в отчаянии вопил старик. Только на перевале догнал он своих пятерых табунщиков и разгоряченного сына. Впереди виднелись шесть всадников, во весь опор несущихся по направлению к калмакскому стойбищу.

— Зачем остановили вы нас, атаке? — нетерпеливо спросил Манас подставшего отца.

— Горе мне с твоей вспыльчивостью! — запричитал перепуганный Джакып. — Не ко времени показал ты свою удачу. До седин дожил я здесь, ни с кем не воевал. Мы, кыргызы, — гости тут. Мало нас. Призовут калмаки на помощь родичей с Алтая. Там их тьма. Разве оставят кого-нибудь из кыргызов в живых? Или обратятся к кыгоям. Их больше, чем звезд на небе. Выколуют мне на старости глаза, а тебя, моего жеребеночка, убьют! Поедемте скорее назад, может, кто остался в живых из тех калмаков. Заплатим им выкуп за убитых, может, избежим несчастья.

— А что такое выкуп? — недоуменно спросил Манас.

— По закону кочевников за убитых можно заплатить скотом. Сколько попросят, столько и отдадим. Если не согласимся, все потеряем, и свои жизни в придачу.

— Атаке, они же первые напали! — запальчиво возразил Манас. — Я бы им и ломаного гроша не заплатил.

Джакып замахал руками:

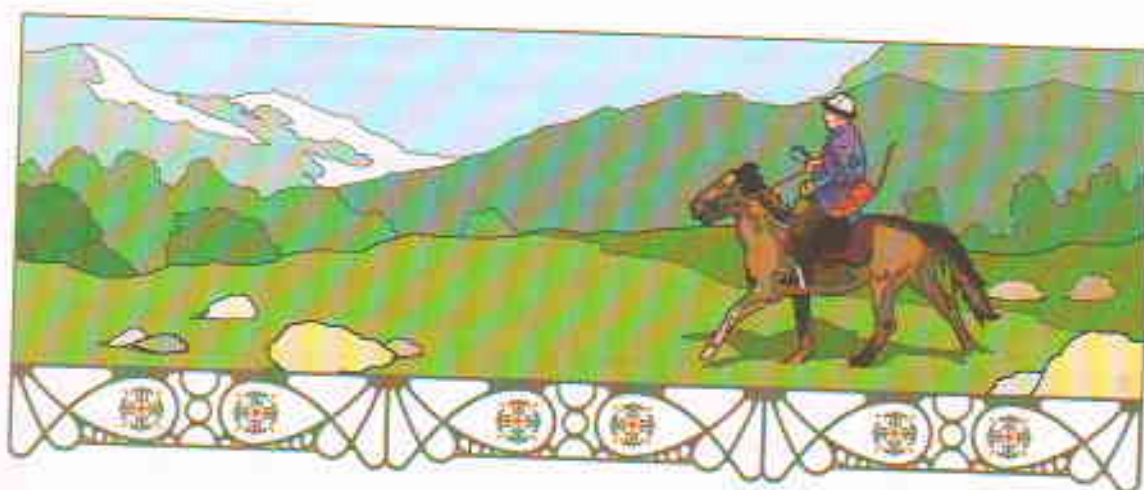
— Молчи! Думай, как калмаков умиловить!

— Атаке! Вы мне столько раз рассказывали про моего деда Ногоя, что я накрепко запомнил, откуда идет мой род! — продолжал упрямяться Манас.

Табунщики разъехали стогнать разбежавшихся лошадей. А мальчик с отцом направились к месту стычки с калмаками в надежде найти живых.

— Одного имени Ногоя боялись кыгаи и калмаки, — говорил Манас. — Потому что все кыргызы были вместе, всех объединил Ногой. Атаке, вы хотите, чтобы я всю жизнь разводил и множил скот и при этом тряса от страха? Но я лучше погибну — человек все равно только один раз умирает, — чем буду заискивать перед врагами. Я соберу народ, всех родных соберу, я душу свою отдам, чтобы быть достойным духов предков.

Джакып с испугом глядел в горящие мрачным огнем глаза сына. Будущее пугало старика. Предчувствие грозной опасности сжимало его сердце. А Манас уже не видел отца. Он пристально смотрел вдаль. Из-за хребта показалась группа всадников в сверкающих одеждах и галопом направилась к ним. Впереди отряда развевалось алое знамя. Манас узнал в этих всадниках сорок чилтепов и устремился к ним навстречу.

Обстановка накаляется

У бая Джакыпа голова шла кругом. Он не знал, что предпринять. Спешно вернувшись домой, он сообщил встревоженной Чыйырды, что ее сын убил семь или восемь калмаков и что теперь надо ожидать ответного нападения. На вопрос жены о Манасе, Джакып выкрикнул, что тот обезумел и умчался, словно вихрь, куда-то в горы. «Я звал его, пытался догнать. Все напрасно, словно шайтан в него вселился», — оправдывался бай. Чыйырды решила, что Джакып лишился рассудка, убив кого-то из калмаков и потеряв сына. Не надеясь на мужа, несчастная женщина вскочила на коня Бозтайлака и помчалась к долине Ак-Отёк.

Спустя некоторое время в селение влетел разгоряченный всадник и направился к юрте Джакыпа. Встревоженные жители аила собрались у дома бая. Прибывшим оказался Сарбан, младший брат Саламана, из аила калмаков племени манджу Сарайман. Саламан дружил с Джакыпом, поэтому поспешил предупредить кыргызов о готовящемся нападении.

— Завтра в полдень манджуры решили напасть на вас, бай Джакып, и силой забрать выкуп за убитого предводителя Кортука, а аил ваш разорить. Они послали гонцов на Алтай за помощью, — рассказывал Сарбан. — Весь аил наш кипит как улей.

— Сарбан, милый, скачи быстрее к казахам. Бию их Карабеку скажи, пусть спешит к нам на помощь. Кыргызы и казахи — родня, в беде всегда друг другу помогаем. Да по пути конгратам, старнику Байбаку известие передай. Айдаркана лично проси о помощи, — суетился бай Джакып.

Были посланы гонцы к Джоро, битыру найманов; к кыргызам Акбалте, Бердивке и Дамулде, что жили по соседству.

Посланцы врываются в селения с криками: «Погиб бай Джакып! Калмаки поделили его скот. Десятилетний его сын Манас вместе с ним погиб!» Во всех

аилах начался переполох. Мужчины надевали панцири и брались за оружие. Все, кто был из племен тюрок, становились под боевые знамена...

Вся в слезах, скакала на Бозтайлаке томящаяся неизвестностью Чыйырды. Вот наконец и табуны лошадей. Навстречу ей бросился Манас:

— Энеке¹, что случилось? Почему вы в таком виде? Чем опечалены?

— Отец твой, бай Джакып, разума лишился от страха перед калмаками. Говорит, ты убил кучу калмаков, безумным стал, куда-то ускакал. Я приехала за тобой. Давай скорее домой поедem, Джакыпа успокоим.

Манас повернулся к подъехавшему к ним Ыйману:

— Гони лошадей вдоль русла реки. Если появятся калмаки, пусть захватывают коней, береги людей. Спрячьтесь где-нибудь. В схватку не вступайте. Пусть хоть все девять тысяч голов берут. Им это зачтется.

Мать с сыном повернули коней к дому. По дороге Манас рассказал Чыйырды о том, что произошло.

— Я не хотел убивать этого человека. Но он бил моего отца. Он хотел украсть наш скот. Я был в отчаянии. А потом появились сорок чилтенев. Один из них, которого зовут Хызр Илиас, протянул мне руку и проговорил: «Не горюй, Манас. Закрой глаза». Я закрыл глаза и увидел несметное войско. Воины были закованы в железные панцири. Впереди — какой-то старик с золотым венцом на голове. Хызр Илиас сказал мне: «Воинство это — твое, а человек в золотом венце, — сын Бая, сейчас ему только пятнадцать лет. Это твое будущее. Подружись с сыном того калмака, которого ты сегодня убил. Он будет твоим верным товарищем. Будут звать его Манджибек, так как он из племени манджу. Он очень храбрый и будет твоей опорой. И прими это алое знамя — это знамя Ногоя. Береги его, оно поведет твой народ на подвиги. А теперь открой глаза!» Когда я открыл глаза, то не увидел ни отца, ни табунов. Я был один в степи — и свернутое алое знамя в руках. Потом я нашел Ыйманв, — продолжал свой рассказ Манас, — и хотел всех лошадей погнать к калмакам, чтобы откупиться за убийство. Но Ыйман сказал, что калмаки могут убить и меня, и всех табунщиков, что надо спешить в аил. Атаке как-нибудь сам договорится о выкупе.

Рассказ Манаса был прерван раздавшимся сзади стуком копыт. Оглянувшись, мать и сын увидели шестерых калмаков, скакавших по направлению к ним. Невдалеке Манас заметил седьмого, стоявшего с верблюдом. На животном было привязано тело убитого Кортука. Видимо, провожатый узнал Манаса, виновника гибели их предводителя, а его товарищам мать с сыном показали легкой добычей.

— Не успела найти сына, как потеряю его! — заголосила в ужасе Чыйырды. — Что со мной будет?!

— Энеке, не плачьте о том, что еще не случилось, — проговорил Манас, сжимая древко свернутого стяга.

¹ Энеке — матушка; почтительное обращение к своей матери.

Шестеро человек окружили их плотным кольцом. Один из калмаков протянул руку, чтобы схватить поводья коня Манаса. То, что произошло потом, не смог бы объяснить и сам Манас. Мальчик с такой силой рванул калмака, что тот пулей вылетел из седла и, перелетев через всадников, упал на землю в двадцати шагах. Судя по тому, как была повернута набок голова поверженного, у него была сломана шея.

Испуганные калмаки, подхватив тело своего несчастного товарища, в ужасе поскакали прочь, громко взывая к небесному владыке Тенгиру о защите от шайтана-мальчика.

Только к вечеру добрались Чыйырды и Манас до родного аила. Там их встретил встревоженный Джакып.

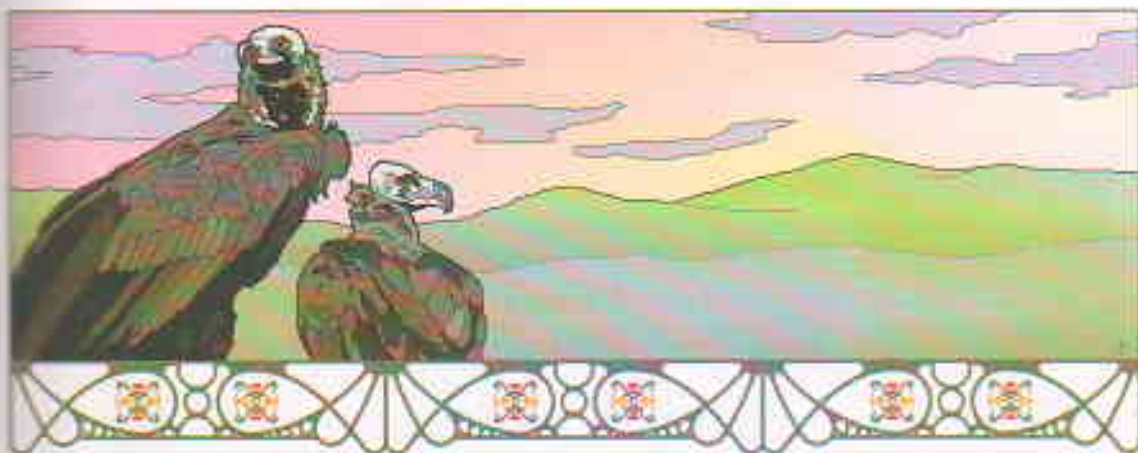
— Я отчаялся уже увидеть сына живым. Совсем рассудок потерял.

Узнав о новой стычке Манаса с калмаками, Джакып пришел в отчаяние:

— Не избежать теперь схватки с калмаками, — твердил он. — Я во все края гонцов послал. У меня здесь сорок тысяч лошадей. Пусть все, кто может в седле держаться, берет моих лошадей, чтобы сразиться с калмаками.

Надвигалась тревожная ночь. Никто не смог сомкнуть глаз в аиле бая Джакыпа. Их было всего семьдесят семей. Подоспеет ли помощь? Не спали и в аиле манджуров — в Сараймане. Туда уже прибыли четыреста воинов Домабия с Алтая. Двести пятьдесят семей манджуров Сараймана собрали войско в триста человек во главе со стариком Дегёном. Когда до них дошло известие о гибели еще одного соплеменника от руки Манаса, было решено, лишь только рассвет забрезжит над горизонтом, отправиться в путь, в кыргызский аил. И теперь манджуры хотели не только получить выкуп лошадьми за убитых, но и забрать жизнь Манаса или его отца Джакыпа. А лучше, если оба они погибнут, — так решил совет.

Битва

Небольшой отряд всадников в шестьдесят человек приближался к месту, где паслись табуны Джакыпа. Во главе отряда ехали сам кыргызский бай и напросившийся с ним Манас. Наслу дождался Джакып рассвета. Только стали различимы горные тропы, как бай бросился с прибывшими ночью воинами Акбалты на розыски своих табунов. Надежда защитить его от манжуров еще теплилась в его сердце.

Увидев лошадей в целости, Джакып обрадовался. Внезапно до отряда донеслись звуки далекого сражения. Отчаянные крики многочисленных людей сливались в один переливающийся вой, в который вплетались воинственные кличи, топот коней и лязг оружия. В тревоге Джакып поскакал на вершину ближайшего холма. То, что он увидел в долине, привело его в смятение.

Огромное пространство вокруг аила Сарайман было заполнено сражающимися. И в самом селении шел ожесточенный бой. Даже женщины — жены и дочери манжуров — взялись за оружие, защищая свою жизнь. Отовсюду неслись крики ярости и боли. В нападавших Джакып признал алтайцев. Их было раза в три больше, чем несчастных манжуров — вчерашних врагов Джакыпа.

Одному манжурю удалось обмануть преследователей и вырваться из окружения. Он понесся по направлению к укрывшемуся за холмом отряду кыргызов. Вскоре юноша лежал у ног бая Джакыпа.

— Уважаемый бай Джакып! Помогите нам, — молил он предводителя кыргызов. — Алтайцы погубили нас. Грабят наш аил, скоро никого в живых не останется! Наши старейшины вчера решили на вас напасть, а теперь мы сами разорены! Я — сын убитого вами Картука, Шакум. Не надо мне никакого

выкупа. Я клянусь, все мои соплеменники станут кыргызам братьями. Только не дайте алтайцам истребить манджуrow!

Сбивчиво юноша рассказал, как на рассвете отряды калмаков по пятьдесят, сто человек двинулись в поход против Джакыпа. Но, встретив его табуны, алтайцы принялись захватывать себе добычу. Они решили отогнать весь скот в Сарайман, чтобы потом забрать с собой на Алтай. Предводитель манджуrow Деген пытался образумить алтайцев, говоря, что кыргызы должны выкуп им, манджурам. Что нельзя безнаказанно нарушать законы кочевников, брать сверх меры. Но его никто не слушал.

— Я тоже говорил: «Не берите лишний скот». Но тут предводитель алтайцев Домабиль закричал, что манджурам, мол, бурутов¹ жалко. Напрасно Деген просил Домабилья навести в войске порядок и продолжить поход. Тот твердил, что они приехали издалека и возвращаться без добычи не желают, — продолжал свой рассказ Шакум. — А когда Деген прилюдно оскорбил Домабилья и начал отгонять алтайцев от лошадей Джакыпа, Домабиль приказал своим воинам убивать наших людей. Нам пришлось отступить к айлу. Но к алтайцам присоединились еще четыреста вновь прибывших воинов. Они все набросились на наш несчастный аил. Если вы, бай Джакып, не придете нам на помощь, манджуры погибнут, — горестно закончил свой рассказ Шакум.

Тут послышался стук множества копыт, и из-за поворота показался многочисленный отряд воинов. Впереди, с синим стягом в руках, ехал богатырь конгратов Айдаркан. Бай Джакып в волнении замахал им руками и закричал: «Сюда, скорее!» Айдаркан перевел конницу в галоп.

Вскоре вокруг Джакыпа собрались все прибывшие люди: конграты, уйшюни, нойгуты, казахи, найманы, алчины и кыргызы. Всего семьсот восемьдесят человек.

— Люди, — обратился к воинам бай Джакып. — Мы прожили с вами бок о бок всю жизнь. Участвовали во многих делах. Делили радость и горе. И вы пришли по нашему зову к нам на помощь. Но сейчас просят помощи наши соседи калмаки из племени манджу. Да, они хотели отомстить нам за смерть Кортука, хотели захватить наши стада. Но они наши соседи. Мы должны были решить спор между нами по закону кочевников. И вот мальчик, сын Кортука, просит: «Не давайте выкупа, спасите наш народ!» Пришли чужаки и истребляют наших соседей. Если мы им не поможем, позор ляжет на нас. И нас в один такой же день уничтожат враги. Погибший калмак из соседнего айла — свой. Все народы, живущие на этой земле, свои. Подумайте об этом!

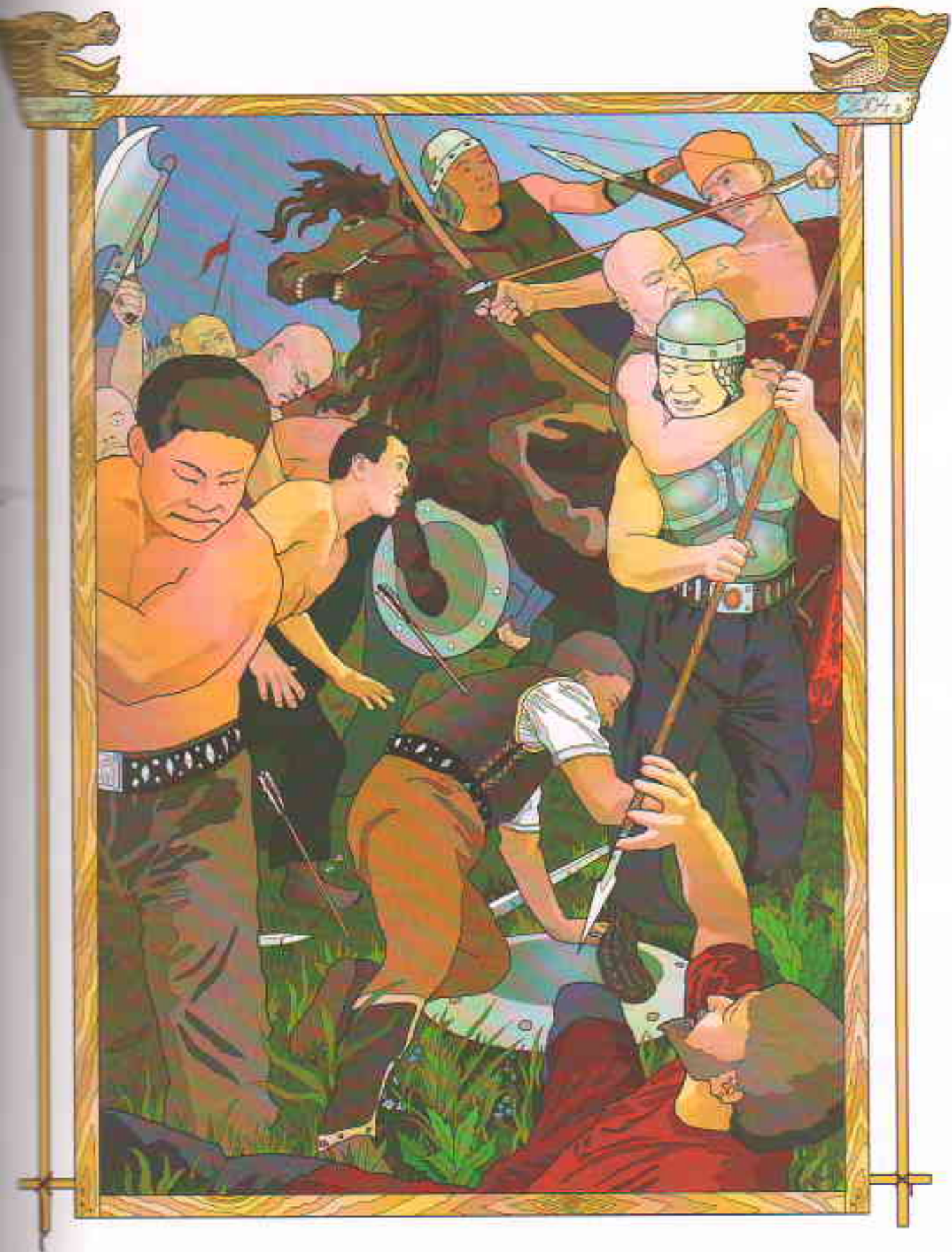
— Сражаться за калмаков? — недоверчиво переспросил Айдаркан.

— Сражаться за свою честь! — выпалил Манас. — Неужели тюрки не протянут руку помощи погибающим, нашим соседям?!

Гул одобрения прокатился по рядам воинов.

— А кто поведет нас в бой? — спросил Айдаркан.

¹Бурут — калмыцкое название кыргызов.

Все взоры обратились к баю Джакыпу. Рядом с ним на коне-трехлетке сидел Манас, гордо подняв алое знамя Ногоя. Джакып на мгновение задумался, хотел что-то сказать, но было уже поздно. Его сын, размахивая алым стягом, сорвался с места и поскакал во весь опор туда, где гибли люди. При этом он пронзительно кричал: «Манас! Манас!» Следом за ним, оцетинив копыя, понеслись отряды воинов, все, как один, подхватив клич: «Манас!» Над их головами развевались белые и синие флаги родов.

Алтайцы, пораженные внезапностью атаки, были буквально раздавлены скатившейся с холмов лавиной конницы. Увлеченные грабежом селения, рассеянные на большом пространстве, они не могли дать достойный отпор войску Джакыпа. В мгновение ока несколько сот алтайцев простились с жизнью. Оставшиеся в живых в панике пытались скрыться за перевалом. Быстрые кони кыргызов и казахов легко догоняли изнуренных лошадей алтайцев. Многие из убежавших врагов падали, сраженные меткими стрелами лихих всадников.

Лавина из беглецов и преследователей прокатилась по долине, перехлестнула через горный перевал и начала спускаться с Тянь-Шаня. Бай Джакып настиг свое войско уже на перевале. Насилу удалось ему остановить разгоряченных погоней воинов. Азарт преследования и аромат легкой победы пьянил их головы. С Джакыпом к Манасу подъехал и сын Кортука. Он тоже был рад победе.

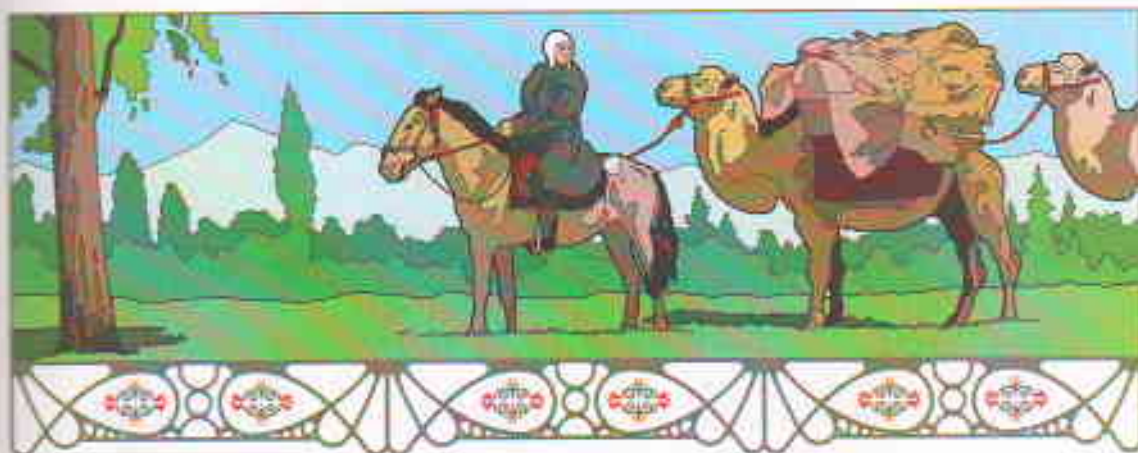
Вечером, похоронив убитых — около сорока манджу и более четырехсот алтайцев, — бай Джакып приказал отдать в аил Сарайман часть своих лошадей. Также он предложил старику Дегёну взять столько золота, сколько тот пожелает. Но, поблагодарив Джакыпа за лошадей, старик от золота отказался. Тут же был избран новый предводитель манджуров. Им стал сын убитого Кортука Шакум. Имя ему дали по названию племени — Манджик.

Всем воинам, принимавшим участие в битве, Джакып подарил по коню, как и полагалось по закону кочевников. Сверх того их предводители получили от кыргызского бая по шубе и чапану. Вечером Джакып устроил праздничный той, зарезав для победителей несколько лошадей.

Утром, отпуская воинов по домам, кыргызский бай сказал:

— Мы живем на земле, благословенной Аллахом. Мы защищены от врагов бескрайними пустынями и высокими горами. Нас охраняют духи предков. И мы, живущие на этой земле, готовы с оружием в руках сражаться за свою землю и свою честь. Пусть народы, чья родина Тянь-Шань, всегда будут свободны!

С того дня на земле Джакыпа мирно текла размеренная жизнь кочевника. Так прошло два года.

Караван из Кытая

На Тянь-Шань пришла весна. Склоны гор были покрыты переливающимся шелком сочных трав, там и тут расцвеченным орнаментом цветущих растений. Горные долины уже готовились встречать лето, а у границы вечных льдов появились звездочки первых цветов. Желтели луга, покрытые лютиками и жарками-купальницами. Осколками синего неба выглядывали из болотистых мест кучки ирисов. В густой траве полыхали красные пионы-воронцы. Гордо тянули к солнцу свои большие головы красавцы тюльпаны, с трудом удерживая их на своих тонких и длинных стеблях, для верности крепко прижав свои широкие листья к земле. А выше, у самых снежных вершин, охраняющих покой этого цветущего царства, белели подснежники. Здесь в одной из межгорных долин паслись табуны бая Джакыпа.

Манас приехал сюда с друзьями. Надо было помочь табунщикам управиться с большим количеством стригунков-жеребят, родившихся недавно. Каждая из двадцати трех тысяч кобылиц принесла приплод, так что забот было много. Жеребят днем держали на привязи, отпуская к матерям только на ночь. Но в течение дня кобылиц надо было подводить к жеребяткам пять-шесть раз, чтобы те могли пососать материнского молока. Остальное время лошади паслись. Часть молока сдаивалась. Из него готовили ароматный кумыс.

Мальчишки находили время и для игр. У каждого имелся заветный мешочек с альчиками. Наиболее удачливые с гордостью показывали остальным свои «сокровища» — сотни костяшек, хранящихся в деревянных сундучках.

В один из дней ребята затеяли игру, придуманную Манасом. Он назвал ее «ордо» — ставка. Мальчишки разделились на два враждебных лагеря, каждый игрок имел по пять воинов-альчиков. Все сражались за ставку — ордо, которую Манас обозначил, очертив круг. Все воины были внутри ставки. Мальчишки

поочередно выбивали воинов противника за границу ордо. Игра была так увлекательна, что в ряды играющих влились все находившиеся на джайлоо тридцать два мальчика.

Азарт наполнял души играющих и застила глаза, поэтому они не заметили спустившегося с перевала каравана верблюдов. Обычно Манас поглядывал в сторону далекого Кытая. А что, если весть о непокорных кыргызах достигла их предводителя? Не пошлет ли он войска, чтобы отомстить за убитых алтайцев? Но горизонт был пуст. И вот гости! Мальчики увидели караван, когда он был уже близко.

Гордо вышагивали сорок пять огромных одногорбых верблюдов — наров, груженных тяжелой поклажей. Шестнадцать вооруженных всадников двигались с обеих сторон каравана. По одежде и по вооружению в них можно было признать кытаев и калмаков. Еще десять человек в одеждах купцов-сартов ехали позади кавалькады. На ишаке, идущем впереди, громоздилась долговязая фигура проводника.

— Чужаки! — воскликнул один из товарищей Манаса.

— Спокойно, Айнакул, — тихо проговорил Манас, целясь битой в стоящие в центре круга альчики. — Продолжаем игру как ни в чем не бывало.

Манас ловко метнул биту, и выбитый альчик вылетел из круга. Манас вошел в круг и, встав на колено, начал выбивать остальные кости за черту.

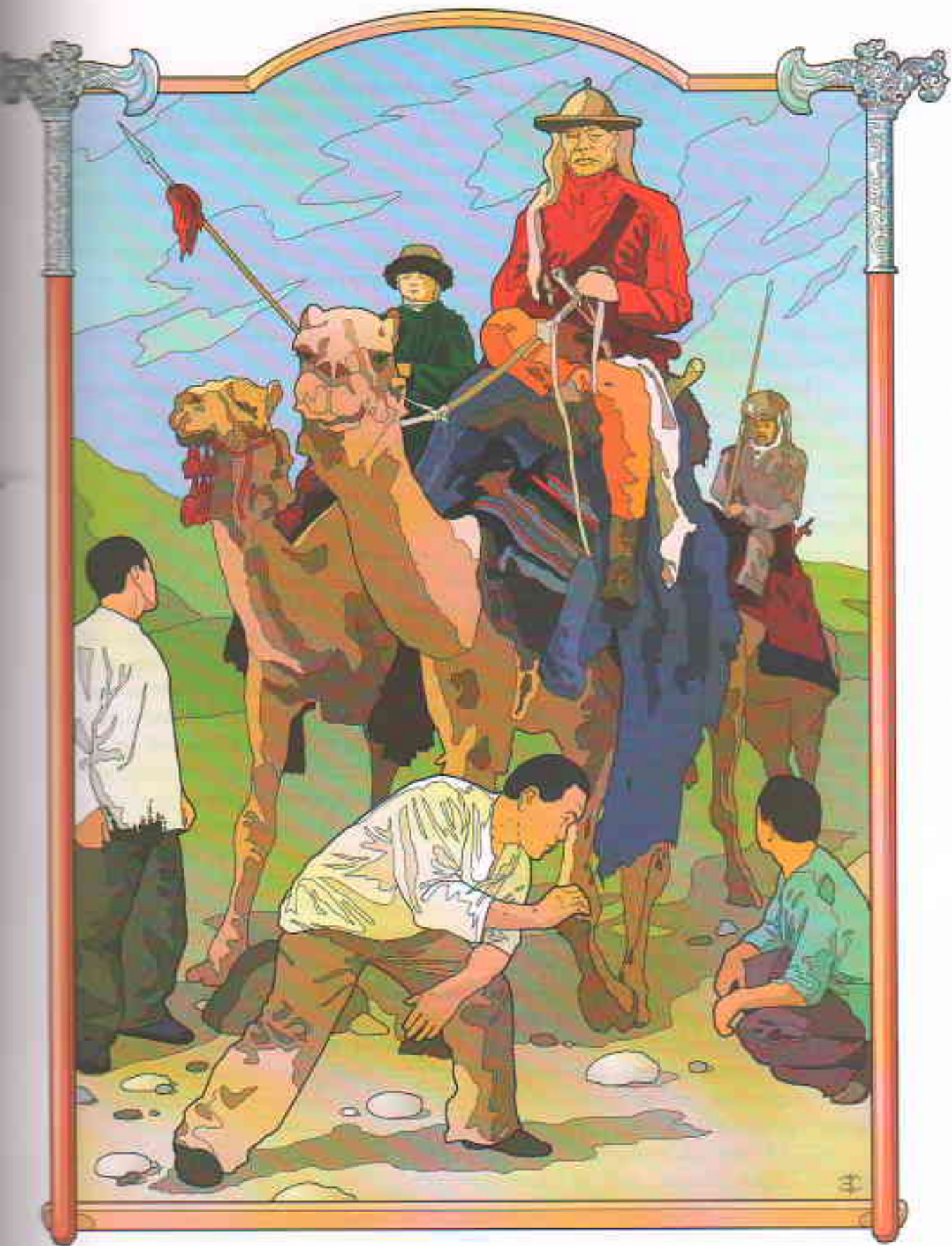
— Мы должны проверить, друзья это или враги, — проговорил Манас громко своим взволнованным товарищам. Караван шел прямо на круг играющих.

— Эй, любезные! Поверните караван правее, там тропа! — закричал, не выдержав, Кутубий. Но проводник, казалось, заснул и не слышал окрика. Он продолжал двигаться прямо на мальчиков. Охрана каравана выставила копья. Лишь сарты повернули вправо. Пришлось товарищам Манаса расступиться, давая дорогу каравану. Лишь их вожак стоял в середине круга, склонившись на одно колено и целясь битой в очередной альчик.

Быстро вскинув глаза, Манас скорее не увидел, а почувствовал на себе колющие, напряженные взгляды надвигающихся на него воинов. Манас с силой метнул биту. Со свистом рассекая воздух, она выбила альчик и ударилась о землю. Кость пулей вжикнула в наступившей тишине и перебила ногу первому верблюду, который от неожиданности рухнул на бок. А бита, отскочив от земли, в одно мгновение выбила из-под проводника ишака, и он стоял с широко расставленными ногами, соображая, куда делось животное.

Вооруженные всадники окружили толпу мальчиков. Не ожидая серьезного сопротивления со стороны двенадцати-четырнадцатилетних подростков, они сидели в седлах расслабленные и надменные. Их предводитель, гигант кытай, подъехал к Манасу.

— Ты чего, паршивец, наделал?! — взревел он, потрясая копьем. — Ты сломал ногу нашему лучшему верблюду! Бурют несчастный, ты заплатишься за это!

Манас подал знак — и тридцать два подростка разом бросились между конями кытаев и калмаков. Возле каждого всадника оказалось по двое ребят. Один толкал, другой тянул, — и вот уже все шестнадцать вояк лежали на земле, крепко связанные по рукам и ногам арканами. Не повезло лишь их предводителю: защищаясь, он выгнул короткий меч и, падая, напоролся на его клинок.

Мальчики, возбужденные быстрой победой, весело болтая, подходили к Манасу. Увидев истекающего кровью предводителя кытаев, они притихли.

— Не хмурьтесь, — тихо проговорил Манас, но все слышали его. — Это наш враг. Нам придется их убивать. Иначе они убьют нас и наших родных. Другого пути у нас нет.

Невдалеке от места схватки стояли, жавшиеся друг к другу, испуганные купцы-сарты. Манас с подростками подошел к ним.

— Не бойтесь! Мы вам ничего плохого не сделаем, — миролюбиво произнес Манас купцам. — Вы же сами видели: мы просто играли в альчики, а эти, — он указал на связанных воинов, — направили на нас ваш караван. А потом хотели напасть на нас.

— Мы тоже из племени торок, — заискивающе проговорил старший из сартов. — Мы — уйгуры. Нас силой заставили принять участие в этом походе. Эти воины — посланцы великого хана кытаев Эсена. Алтайцы донесли ему, что кыргызы отказались повиноваться Великому Кытаю; что всех баламутят бай Джакып и его сын Манас и что теперь не только кыргызы, но и другие народы не хотят признавать власть Кытая. Послал хан своих лучших шестерых кытайских и десятерых калмакских воинов узнать о делах в этой части Тянь-Шаня. А чтобы не вызывать ни у кого подозрений, послал их под видом сопровождающих торговый караван. Мы хотели отказаться, но как противиться приказу великого хана ханов — Эсену? — уйгур замолчал, а потом добавил, указав на верблюдов: — Эти товары не принадлежат нам, это все дал хан Эсен.

Манас распорядился накормить сартов и взятых в плен воинов кытайского хана. Несколько ребят были посланы к баю Джакыпу, Акбалте, Дамулде, Бердике и другим предводителям соседних родов рассказать о случившемся...

Когда Манас приехал в свой родной аил, там уже шел совет старейшин. Джакып был в отчаянии — расправа его сына с воинами кытайского хана поставила под угрозу жизнь не только кыргызов, но и всех соседних народов.

— Уважаемый бай Джакып! Если Всевышний дал вам сына, то пусть он будет сорванцом, — успокаивал перепуганного Джакыпа старик Акбалта. — Горе отцу, если его отпрыск размазня! Я недаром получил от тебя подарок, когда принес тебе весть о рождении Манаса. Сын-то батыром стал!

— О чем ты говоришь, Акбалта? Убит посланец великого хана! Да в Кытае людей больше, чем ты можешь считать. У них, говорят, такие великаны

живут, что нас живьем могут сожрать. Обидеть столь могучего хана — все равно что голову в пасть тигра положить! Не уцелеть нам! Отрубят нам головы! Что нам делать?!

— Послушай, — старик попытался успокоить Джакыпа. — Все мы смертные. Избежать своей судьбы еще никому не удавалось. Ты, бай Джакып, сам говорил, что пустыни и высокие горы нас охраняют. А до Бейджина, где сидит тот страшный хан Эсен, шесть месяцев пути. Пока весть о пропаже каравана туда дойдет, что-нибудь изменится, может, к примеру, сам хан Эсен умрет. Что предначертано Богом, то и произойдет. Я думаю, надо забрать товары с каравана. Пока не пришли кытаи, мы можем воспользоваться этим добром.

— А что потом с нами будет? Нет, мы не должны так поступать, — упрямылся Джакып.

— Атаке! Аллах сделал вас очень богатым и таким жадным, что вы всего боитесь, — с горечью в голосе сказал Манас, слышавший разговор Джакыпа с аксакалом. — Нельзя избежать смерти, которую посылает Бог. Хан Эсен собрал этот караван, чтобы он нашел нас с вами, атаке. Значит, это наши богатства. Раздайте все людям. А кытаи, если придут сюда, пусть меня забирают. Они ведь меня ищут.

Джакып повернулся к народу. Тут были Ошпур и Саламат, Дамулда и Тунегер, Бердике и Акбалта, Деген и Маджик, и все их люди, все, кто по его единому зову готов был идти на смерть за свободу этой земли.

— Братья! — обратился к ним бай Джакып. — Пусть каждый род возьмет себе по верблюду со всем добром — это подарок вам от хана Эсена...

Разобрав верблюдов, люди, довольные добычей, поспешили к своим аилам. Один только рыжий нар с перебитой лапой остался. Он лежал на земле вместе со своей поклажей.

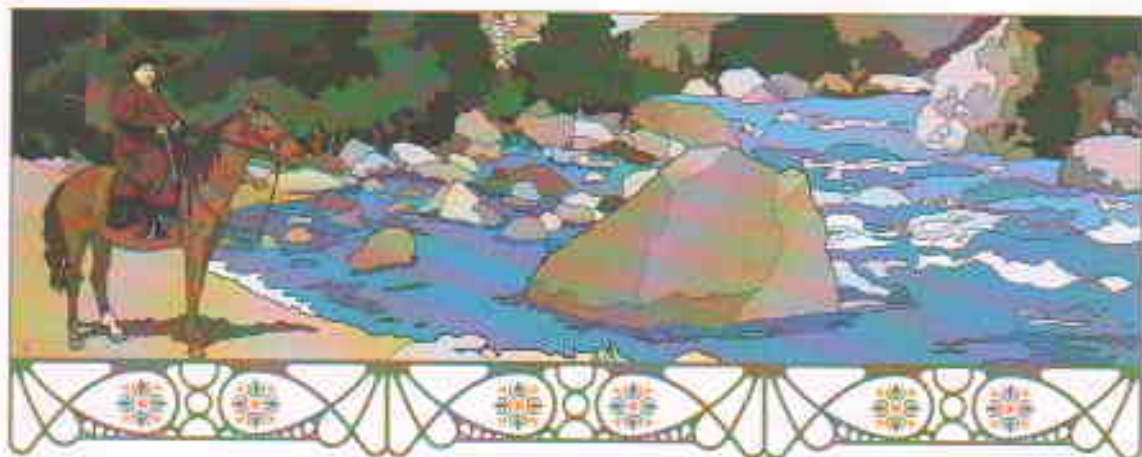
Манас подошел к верблюду и разрезал один из тюков. На землю посыпались драгоценные камни и крупный жемчуг. Мальчик поднял крупный алмаз и сверкающий рубин и протянул их отцу Джакыпу.

— Я думаю, в этих курджунах богатства больше, чем во всем остальном караване, — сказал Манас.

— Эй, любезные! — позвал Джакып сартов. — Возьмите себе этих драгоценностей сколько хотите и ступайте домой.

Оставшиеся сокровища отец с сыном завернули в кошмы и погрузили на четырех лошадей. Пора было и им отправляться в дорогу!

Встреча двух братьев

Время шло — Всевышний подарил еще один год мирной жизни кыргызскому баю и его соседям.

Бай Джакып ехал один на верном Туучунаке. Он хотел проведать Манаса, который угнал лошадей на далекий хребет Кулан-Джайлак. Стада Джакыпа множились. Жеребята подрастали — все меньше оставалось вокруг пригодных мест для выпаса. Приходилось искать сочную траву за хребтом Кулан-Джайлак в долине Куу-Тезе, на берегах озера Джашыл-Кёля. От сына давно уже не было вестей, и потому старик решил съездить на летнее пастбище.

Спустившись с перевала к дороге, ведущей к Ангиру, Джакып, к своему ужасу, увидел двигавшееся по ней огромное войско. Старик поспешил укрыться за большими валунами у входа в скалистое ущелье. Он попытался определить, сколько воинов и чьи они. Но от испуга Джакып постоянно сбивался со счета и терялся в догадках.

Войско прошествовало мимо. Облако пыли, поднимаемое идущей армией, уплывало все дальше, в сторону Ангира. Но старик продолжал скрываться за камнями, боясь быть обнаруженным. Наконец он увидел появившегося одинокого всадника, который тащился вслед за войском на значительном расстоянии. Это был дряхлый старик в рваной одежде и верхом на муле.

Джакып решил выехать из своего укрытия. Завидев Джакыпа, незнакомец остановил мула и в нерешительности ожидал приближения кыргызского бая. Джакып поприветствовал старика и справился о его здоровье. Тот ответил ему с настороженностью. Потом поинтересовался у Джакыпа, из какого он рода.

— Я сирота. В семнадцать лет лишился отца и матери, — начал свой рассказ кыргызский бай. — Нашел приют у здешнего бая Чаяна, сына Бёена.

Был у него работником. Долго у него прослужил. Да уже тридцать лет прошло после смерти Чаяна. Теперь эти горы — мой дом.

— А зовут-то вас как? — полюбопытствовал путник.

— Имя мое Джакып, сын Ногоя. Род веду от Байгура.

При этих словах Джакыпа незнакомец издал возглас изумления, и по его изможденному лицу потекли слезы.

— О бренный мир! — завопил вдруг он. — Когда мы разлучились, тебе было семнадцать лет. Теперь ты старик. Мне самому шестьдесят девять лет. В разлуке вся жизнь прошла! Неужели ты — Джакып? Я тебя помню ребенком. Я твой старший брат Бай!

Растроганные братья закричали, обнялись, и слезы счастья потекли по старческим лицам. Оба были седые и белобороды.

— Неужели исполнилось мое заветное желание — и я свиделся с тобой? — вопрошал радостно Бай. — Неужели воочию увидел тебя, Джакып?

Джакып поведал старшему брату о своей одинокой жизни вдали от родственников:

— Один я сюда пришел. Эта земля благословенна. Никто здесь не жалуется на судьбу. В горах архаров и теке — что зыбучего песка в пустыне. На холмах вдоволь густой травы, в лесах множество маралов. Я обрел покой на этой земле. Я стал богаче всех. Мой скот наполнил все горы вокруг. А как вы, аба?¹ Как ваша жизнь? Бог дал мне на старости сына, ему уже тринадцать лет. А сейчас две мои жены, ваши снохи, обе беременны. Вы-то как?

— Я не буду рассказывать о всех тех несчастьях, которые выпали на мою долю и на долю моих сыновей. Старшему, Бакаю, исполнилось семнадцать, в народе он слывет мудрецом, а второй — Тайлак — совсем еще юнец, — начал неторопливо Бай. — Из Кашгара, куда нас с Тянь-Шаня, после смерти родителей, выселили, нам пришлось переехать к нашему старшему брату Орозду, который жил на Алае. Ему уже восемьдесят лет исполнилось. Белые его волосы поредели, сам немощным стал. Был он ханом, а стал обездоленным страдальцем. Его десять сыновей покоя никому не дают, буянят, друг дружку избивают. Скот весь свой промотали, мой теперь таскают. Задирают моих сыновей, рабами их своими считают. Ни отца своего Орозду не почитают, ни меня за человека не признают. Решил я, пока еще могу двигаться, найти тебя, брат Джакып. Может, у тебя мы найдем покой и защиту. Так думает и несчастный Орозду.

— Я с радостью приму всех в свою семью. И вас, аба, с Бакаем и Тайлаком. И Орозду с его десятью сыновьями. Как их зовут?

— Старший из них Чагатай, второй — Чететей, третий — Кебётай, потом Бёбётай, следом Бегетай, шестой Бабатай, седьмой Сабатай, восьмой Кабатай, предпоследний Тоботай и десятый Ордобай, — перечислил Бай. — Постой, а как твоего сына зовут?

¹ Аба — дядя (по отцу), обращение к старшим (здесь — старший брат).

— Имя его Манас, — ответил Джакып. Заметив, как исказилось от страха лицо брата при имени сына, Джакып закричал: — Эй, дорогой Бай, что произошло?

— О горе нам! — запричитал Бай. — Послушай, что я тебе расскажу. Когда я поехал тебя искать, два с половиной дня мой конь нес меня в сторону Алтая. На моем пути лежала безлюдная пустыня. Но вот я увидел великое множество людей — они рыли огромный канал поперек пустыни. Ничего не подозревая, я спокойно подъехал к работающим. Меня тут же окружили воины — кытайский хан, оказывается, приказал хватать любого и всех принуждать к работам. Мне дали кайло и бросили на дно канала. Я должен был выворачивать из земли большие камни. Если я мешкал, охранник бил меня плетью. На второй день я упал без сил на землю и не смог подняться. От усталости и жары я лишился чувств. Надсмотрщики решили, что я умер. Они выволокли меня на насыпь канала и засыпали землей. На мое счастье земля была с ветками тальника, которые защитили мое лицо и грудь. Я мог дышать, хотя остальное тело было придавлено землей.

Лежа на насыпи, я мог наблюдать за происходящим вокруг, оставаясь незамеченным. Вскоре я понял, что заправлял всеми работами один гигант кытай, облаченный в сверкающие доспехи. Его звали Незкара. У него был крутой нрав. Любого непокорного он собственноручно лишал жизни, отрубая голову. Под белым пологом его шатра стоял огромный золотой идол с большими щеками и отвислым животом. Глаза идола были сделаны из драгоценных камней, а зубы — из жемчуга. Я думаю, злые духи вселились в этого идола. Незкара часто обращался к изваянию за советом и получал его!

Шайтаны вселились и в коня Незкары. Я слышал, когда предводитель кытаев проезжал недалеко, как его конь, которого тот звал Чабдаром, говорил ему человеческим голосом: «В шести днях пути отсюда, в горах Тянь-Шаня, в верховье реки Аземиль пасет своих лошадей тринадцатилетний мальчик Манас. Около него только тридцать его товарищей. Иди и убей этого кыргызского щенка. Иначе он убьет тебя, так сказали духи судьбы. Уничтожь его, пока он слаб. Берегись Манаса — ему помогают чилтены. Возьми с собой войско и иди».

И вот Незкара собрал всех людей, которые рыли канал, а их было больше шести тысяч, и повел на восток. Продолжать работу остались только старики и дети. Я кое-как выбрался из земли. Недалеке я заметил пасущихся мулов. Подкравшись, я с трудом приманил к себе одного мула и вскочил на него. Охранники меня заметили и пустились за мной вдогонку. Мне пришлось взобраться на хребет по узкому скалистому ущелью. С перевала я сбросил несколько огромных камней на моих преследователей. Видно, я сиби несколько человек, судя по ужасным крикам. Остальные повернули назад. Я спасся, но путь назад был отрезан. Пришлось мне тащиться вслед за войском Незкары, — закончил свой рассказ Бай. И тревожно добавил: — Твоему сыну Манасу грозит смертельная опасность. Как мы сможем предупредить его?

Бай Джакып задумался.

Схватка с Незкарой

Джакып отправил гонцов ко всем соседям. Сам же с Манасом и отрядом в шестьсот человек направился к перевалу Алмалу-Кыя — единственному пути из Ангира, где сейчас должно было находиться, по предположениям, войско Незкары. В отряде только четыреста были зрелые воины, а остальные — старики и юнцы, правда, все готовые отдать жизнь за родную землю.

С перевала Джакып и его товарищи увидели, что враги уже захватили селение мангулов. Из Ангира доносилось конское ржание и мычание коров. Разрывал душу плач женщин и девушек, которых уводили победители. Слышался и звон оружия, оставшиеся в живых воины-мангулы отчаянно сражались с захватчиками, хотя и были обречены. Около четырехсот всадников, отступая, направились к перевалу Алмалу-Кыя.

Бай Джакып не случайно выбрал это место. Здесь дорога проходила через теснину, и небольшому отряду в таких условиях под силу было удержать наступление большого войска. Вскоре на перевал поднялся отступивший отряд мангулов. Их предводитель, Джайсанбай, был в отчаянии.

— Эти негодяи убили моих лучших джигитов, разорили аил, захватили женщин и утнали весь скот. Незкара хотел, чтобы я указал ему путь к вам, но я отказался, и он напал на Ангир.

Мангулы горели желанием отомстить Незкаре и встали рядом с воинами Джакыпа. Вскоре показались передовые отряды кытаев и калмаков. Воины Джакыпа встретили их залпом длинноствольных ружей. Затем лучники, спрятавшиеся за валунами по обеим сторонам ущелья, обрушили на врага тучи стрел. Кытай и калмаки поспешно отступили, укрывшись за ближайшими скалами. Там они решили ожидать подхода основных сил.

К кыргызам тоже подошло подкрепление. Прибыл казах Айдаркан с дружиной, с найманами подошел Карабак, богатырь мангул Ушанг привел сто пятьдесят воинов. Всего под началом бая Джакыпа оказалось тысяча пятьсот человек.

Вот от войска Незкары отделился один всадник и направился к воину Джакыпа. В одной руке он держал копьё, в другой огромную палицу. Вид его был очень грозен — это был настоящий богатырь. И конь был под стать хозяину.

— Есть среди вас желающий умереть от копья Дангданга? — взревел гигант, гарцуя на коне.

Навстречу ему выехал казахский богатырь Кюнёс. Он направил своего коня на Дангданга, выставив вперед копьё. Со звоном ударились пики о стальные панцири воинов и с треском разлетелись на части. Тогда противники схватились за палицы, и вокруг разнесся грохот мощных ударов. Но и в этом бою соперники были равны. Наконец воины в ярости сцепились руками и попытались стащить друг друга с коней. И вот с победным криком Дангданг вырвал Кюнёса из седла и с силой бросил оземь. Поверженный казах так и остался лежать неподвижно. Торжествующий кытай направился к своему войску.

Пораженный смертью Кюнёса, рванулся к месту боя богатырём юноша Кёкчё. Наперерез ему бросился Айдаркан.

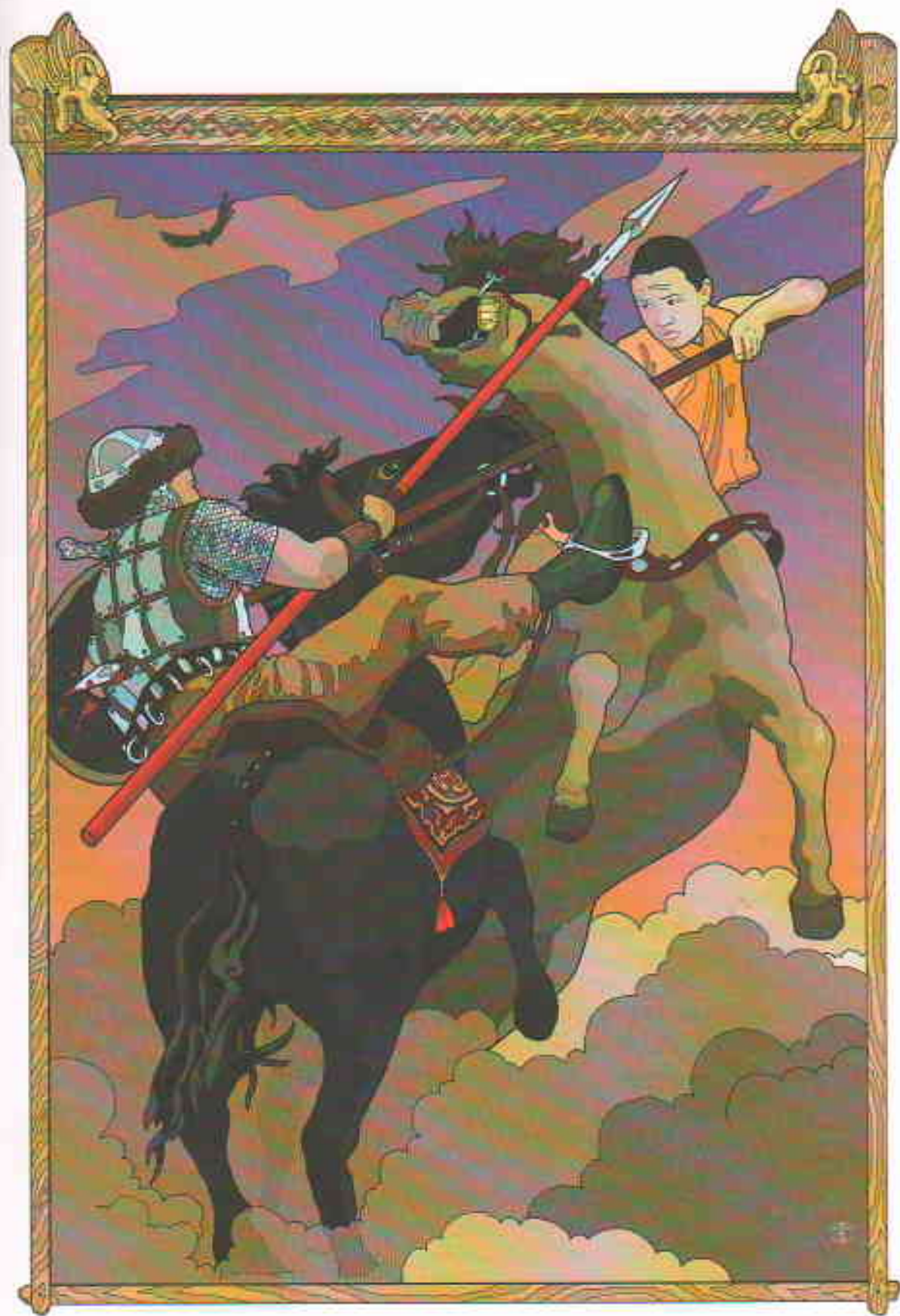
— Стой, сынок! Ты ещё не окреп для битвы с ним. Назад, назад! — закричал Айдаркан и сам понёсся навстречу Дангдангу.

Тот хотел поразить Айдаркана копьем, но казах с такой силой ударил по его копьё палицей, что кытай выронил оружие. Не успев сообразить, что произошло, он наткнулся на копьё Айдаркана.

Яростно завопили тысячи кытайских воинов. И на Айдаркана понёсся новый противник. Копьё казаха осталось в теле поверженного Дангданга, и Айдаркан стоял в нерешительности, сжимая рукоять короткого меча. На помощь ему ринулся Манас. Одним ударом копья он выбил врага из седла. Не успел Манас перевести дух, как на него напали другие два воина — Ырангшоо, вооруженный копьем, и Шангмусар, на скаку целившийся в Манаса из лука. Манас пустил своего Аккулу вскачь и метнул копьё в Ырангшоо — оно проткнуло кытая насквозь. Стрела Шангмусара пролетела со свистом мимо Манаса, и пока воин доставал вторую, юноша успел свалить его ударом меча.

События развивались так стремительно, что воины с обеих сторон с трудом понимали происходящее. Наконец кытай поняли, что их лучшие богатыри мертвы. Крики ярости слились в единый вопль.

Вперед выехал разгневанный Незкара. Кытаю было всего девятнадцать, он был исполинского роста, и от его взгляда стыла кровь. Манас перестал замечать воинов вокруг. Перед ним был только Незкара, позади которого зашевелились какие-то тени. «Шайтаны!» — вихрем пронеслось в возбужденном мозгу мальчика. О них рассказывал старик Бай.

Внезапно на землю упала гигантская тень. Подняв голову, Манас увидел над собой громадную птицу, которая распростерла крылья над всей долиной, заслонив солнце. Рядом с мальчиком возникли дикие звери. Вот готовый к прыжку лев, вот рычащий леопард, вот и огнедышащий дракон появился из воздуха. «Чилтены!» — радостно подумал Манас и пришпорил Аккулу. Начался необычный бой — визжали в ярости шайтаны и рыкали звери. Но мальчик ничего не видел, кроме спины Незкары, оставившего поле боя своим шайтанам и спасавшегося бегством.

Словно две молнии, Манас и Незкара обогнули огромное войско семь раз. Аккула не отставал от волшебного коня Чабдара. «Все равно я тебя настигну!» — кричал Манас. Заметив щель между золотым поясом-кемером и доспехами Незкары, Манас всадил копьё под лопатку противнику. Дико завопил раненый Незкара, и Чабдар понесся ещё быстрее. Стал отставать Аккула. Но тут наперерез Манасу вылетел Джакып на своем Туучунаке и схватил за узду Аккулу.

— Остановись, дитя мое! — крикнул отец.

— Отпустите, атаке! — Манас был в ярости. — Я его настигну и убью!

Насилу успокоил Джакып сына. Подъехали они к войску Незкары. Кыгтай, увидев бегство своего предводителя, побросали оружие наземь и сложили руки на затылке — в знак покорности.

Пришлось кыгтаям вернуть все награбленное. Отпустил их бай Джакып по домам — из всего войска Незкары лишь немногие были настоящими воинами, остальные же были людьми из разных племен, которых насильно согнали на сооружение канала. Толпы возвращающихся заполнили всю окрестную землю. Благодарные за помощь мангулы попросили кыргызов принять их в свое братство, да и многие из войска Незкары пожелали остаться на землях бая Джакыпа. Брат погибшего силача Кюнёса Кюльдюр попросил Манаса взять в товарищи его сына Чаганбая, которому исполнилось четырнадцать лет, в знак единства казахов и кыргызов.

— Вряд ли оставит наши народы в покое хан Эсен. Не считает он нас за людей. Кыгтаев много, и нам надо всем объединиться против них, — так сказал Манас на совете старейшин, и аксакалы согласились с ним, удивляясь мудрости подростка.

Курултай¹ на Айдын-Кёле

Прошло еще два года. Вновь кыргызский бай отправил гонцов во все стороны. Он приглашал предводителей дружественных родов на берега далекого озера Айдын-Кель.

На заливных лугах по берегам рек, текущих в озеро, на плато у склонов гор раскинулись юрты приглашенных. От аргынов прибыл Каракоджо, от алчинов Бообек, от манджу Деген, от найманов Кеген, от кыргызов Саламат, от кыпчаков Ошпур.

— Я собрал вас, — начал свою речь бай Джакып, когда все предводители родов собрались в специально поставленной юрте, — чтобы сообщить — о нас не забыли в Кытае. Недавно здесь были кытайские разведчики.

Я встретил их в горной долине на берегах Сару-Суу. Надеюсь найти охотившегося с друзьями Манаса, я ехал один на Туучунаке. Внезапно из-за хребта появился отряд вооруженных пиками и ружьями людей. Их было одиннадцать — в сверкающих стальных латах с саблями на поясах. Это были кытаи. Они вели себя нагло и уверенно.

Заметив меня, воины пустили коней в галоп, и я мигом был окружен.

«Эй, путник! — грубо окрикнул меня их предводитель. Где нам отыскать бая Джакыпа и его сына Манаса? Как тебя зовут, старик?»

Я, заикаясь от волнения, спрашиваю: «А вы кто такие? Что вы тут делаете? Откуда пришли?»

Вожак их в ответ так грозно заорал, осыпая меня бранью, что я решил утаить свое имя. Сказал, что зовут меня Бердике, что я тоже кыргыз, как и Джакып, но враждую с ним. Кытаи обрадовались, попросили провести их к дому Джакыпа. Когда я спросил, зачем им кыргызский бай и его сын, то предводитель кытаев объяснил, что ему приказано схватить их и увезти в Кытай.

¹ Курултай — народное собрание, съезд.

Кое-как уговорил я кытаев не брать меня с собой, сказал, что ищу своих потерявшихся овец. Направил их по ложному пути, а сам скорее домой возвратился.

Испугался я за Манаса. Хоть и принесла мне младшая жена Бакдөөлёт второго сына — Абыке, а дорожке первенца ничего нет на свете. Да и байбиче¹ моя, Чыйырды, разволновалась. Посоветовались мы с ней, и созвал я своих людей.

«Видно, не отстанет хан кытаев от нас, пока мы Манаса ему не отдадим! — сказал я людям. — У меня с Чыйырды лишь один ребенок, а у некоторых из вас и по десять детей в семье. Я хорошо заплачу тому, кто продаст мне дитя свое. Назовем его Манасом и отдадим кытаям».

Никто мне не ответил. Все молчали, потупив глаза. И тогда заговорила мой старший брат Бай. «Видно, Джакьп, на старости лет ты совсем из ума выжил. Или от страха рассудок твой помутился, — сказал он. — Где это видано, чтобы кто-то ребенка своего за скот продавал?! Два года назад шесть тысяч воинов выступили против нас, и мы их победили. Всех разбили. А сейчас всего одиннадцать человек приехали — и ты дрожишь от страха!» Я не обиделся на Бая за эти слова. Прав он был.

Джакьп перевел дыхание и продолжил свой рассказ:

— На нашу беду Манас на охоте встретил какое-то гигантское животное. Оно рычало так, что архары мертвыми сыпались со скал. Сын убил зверя. А всех архаров, которых собрали друзья Манаса, решено было отвезти в Кульджу — ближайший от места охоты аил. В это же время Шайтан привел в Кульджу тех кытайских разведчиков. Они услышали имя моего сына. И Манас сам привез их в наш аил, так как они сказали ему, что хотят со мной встретиться. Можете представить мое удивление и гнев кытаев, когда они увидели меня!

Манас, узнав об истинных намерениях кытаев, вступил с ними в бой. Для пятнадцатилетнего мальчика он необыкновенно силен, вы все это знаете. И вскоре они были обезоружены и связаны. Отпуская их, мой сын сказал: «Я оставляю вас в живых. Но передайте вашему хану, что любой, кто придет с оружием из Кытая на нашу землю, будет убит. Любое войско, направленное к нам, встретит отпор. По закону кочевников я должен вырвать вам правый глаз, отрезать нос и правое ухо, но я отрежу только ваши козлиные бороды. Передайте привет вашему хану».

Кытаев посадили на лошадей с обрезанными хвостами и челками, а это — несмываемый позор, — и отправили в обратный путь.

Теперь вы знаете все! Нам надо решить, как нам жить дальше, — такими словами завершил свою речь Джакьп и замолчал.

Молчали и все присутствующие на совете. Было о чем подумать...

А тем временем, пока шел курултай, Манас, собрав всех прибывших юнцов из разных племен, повел их на охоту. Взяли с собой лучших собак-тайганов,

¹ Байбиче — старшая жена.

способных загонять маралов и косуль в крутых горах, взяли ловчих птиц — соколов и беркутов — для охоты за птицами и мелким зверьем. Каждый стремился показать свою удаль и умение, считая себя сильнее и ловчее других. Но при этом почти все с особым почтением относились к Манасу, хотя он был моложе других.

На привале ребята стали уговаривать Манаса рассказать о том, как он убил монстра. Юноша отказывался, опасаясь, что его сочтут лгуном. Но друзья настояли на своем.

— Я ехал вдоль реки Курбукум, — начал Манас. — И вдруг мой Аккула встал как вкопанный, от испуга шага сделать не может. Я удивился: что такое? Гляжу, а на островке посередине реки показался странный зверь. Весь лохматый, длинная красноватая шерсть клочьями свисает, глаза с пиалу величинной, клыки из пасти торчат, словно кинжалы. Голова как огромный котел, с рогами, а на шее и затылке длинная грива. Задняя часть туловища голая. Длинный хвост извивается. Ростом с быка, а идет на задних лапах, как человек. И что самое удивительное — по бокам растут крылья. Когда бросилось это чудовище бежать — земля задрожала. Несется по степи, крыльями машет, когтистые лапы растопырило, безобразную пасть разинуло. Взбежало на вершину холма и как закричит. Да так пронзительно, что со скал начали падать замертво архары.

Вскинул я ружье Аккельте и выстрелил. Чудовище взмыло к небесам, а потом рухнуло на землю замертво. Но для верности я разрубил его пополам своим мечом Ачалбарсом.

Многие мальчишки слушали Манаса, открыв рот от изумления. Но ребята постарше переглядывались друг с другом, показывая, что не верят словам рассказчика. Наконец один из них, двадцатипятилетний Джабагы, сын Аскара, закричал:

— Эй, ребята! Мы с вами столько волков и лисиц добыли, а есть нечего. Вот бы кто зарезал на всю нашу компанию своего коня! Мы бы его своим вожаком назвали. За то, что люди для него важнее скотины и что не побоялся родительского гнева за убитого коня.

Всем понравилась эта идея. Каждому хотелось утолить голод — но никто не желал жертвовать своим конем. Пусть это будет конь кого-нибудь другого.

— Эй, Манджик, ты же предводитель манджу — стань нашим вожаком!

— Я не могу, я клятву верности Манасу дал!

— А ты, Назарбек, сын Ошпура, хочешь быть нашим ханом? — не унимался Джабагы.

— Я еще в восемь лет это место Манасу уступил.

— Хорошо. А ты, Кёкчё, сын Айдаркана, вроде ничем не обязан Манасу. Храбрости тебе не занимать, зарежь коня!

— Джабагы! Духи предков покарают вас всех! В шутку зарезать коня! Только глупец так поступит. Если вы голодны, пойдите, застрелите архара или теке. А нет дичи, так лучше домой возвратиться!

— Храбрый Кёкчё в скупости счастье нашёл! — засмеялся Джабагы. Следующим был Чалы, сын Кюльдиора. Но тот тоже отказался, сказав, что их вожаком должен быть Манас, спасший его аил от Незкары.

Наконец Джабагы обратился к Манасу:

— Ты среди нас самый молодой. Но если зарежешь коня, мы окажем тебе честь, благословим на ханство.

— Недостойное это дело — коня резать, чтобы ханом стать, — заявил Манас. — Но если вы умираете с голоду, я зарежу коня. Разве Аккула дороже жизни? — И юноша приподнялся, чтобы привести коня.

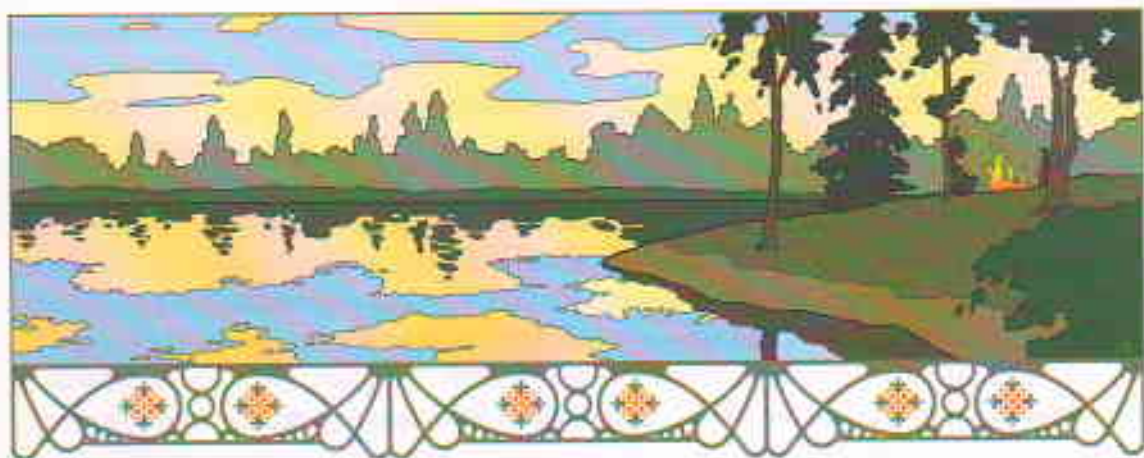
Вскочил тут Чегебай, которого Манас звал Кутубием:

— Не трогайте Аккулу, он тощий, на нем мяса нет! Его бай Джакып сыну подарил, когда Манас на свет появился. Нет более преданного коня, чем Аккула! Лучше возьмите моего, мне его дал бай Джакып, и выберите ханом Манаса! Иначе он зарежет своего коня! — с мольбой кричал юноша.

Предложение Чегебая было принято, и все окружили Манаса. Несмотря на его протесты, молодого батыра усадили на белый потник. Подняв его, они ходили по поляне, радостно крича: «Да здравствует наш хан!»

Лицо Манаса было серьезно и бледно.

Схватка на реке Орхон

Лагерь подростков расположился на лесистом острове посередине бурной реки. После того, как Манас был избран ханом подростков и юношей, он повел их через перевал Ангырты на далекую реку Орхон. Там, слышал Манас от взрослых, леса просто кишат маралами, лосями и косулями. Берега реки оказались обрывистыми, течение бурное и быстрое. Вокруг непроходимые леса. Ребята шутливы, что здесь и джабыр-баяны¹ могут водиться. Хорошо, что Манас знал, как отыскать брод Марал-Кечю, иначе ребята не смогли бы переправиться на берег большого острова, образовавшегося у места впадения в Орхон полноводного притока Джайсан.

Молодежь охотилась в свое удовольствие два дня. На третье утро Манас был разбужен Манджиком, который возглавлял ночной дозор, охраняющий покой в лагере.

— Манас, около ста человек переплыли Орхон и выбрались на наш берег. Они при полном вооружении. Я думаю, воины заметили наши костры и решили напасть на нас. Во всяком случае, поражает решительность, с которой они перебрались через бурный поток. Ведь место-то для переправы здесь неподходящее!

Вскоре все молодые охотники были на конях и ждали приближения незнакомцев. Те не заставили себя ждать. По их уверенному приближению Манас понял, что где-то недалеко находится большое войско. А эти люди были посланы на разведку.

— Кто вы такие? — спросил ребят предводитель воинского отряда. — Вы не похожи на пастухов или купцов. Судя по вашим ловчим птицам и собакам, вы охотитесь?

¹ Джабыр-баян — сказочное животное, самое сильное среди хищников.

— Вы правильно догадались, бек¹, — ответил Манас. — А сами вы кто будете?

— За рекой — наше войско. Нуукер, наш предводитель, приказал привести вас к нему.

— Послушайте, какие у вас могут быть к нам дела? Мы мирные охотники, а вы идете куда-то воевать. Нам с вами не по пути!

— Я здесь не для того, чтобы объясняться с каким-то мальчишкой! — вскипел предводитель отряда. — Вы обязаны переправиться на другой берег и предстать перед Нуукером. Он вам объяснит, что ему от вас нужно!

Воины пиками начали подталкивать юношей к берегу. Манас сделал вид, что покорился силе, но внезапно, вырвав меч Ачалбарс из ножен, нанес сокрушительный удар по главарю. Как по команде, остальные ребята бросились на противника. Схватка была стремительная, словно выпущенная из лука стрела. Вскоре юноши со смехом вспоминали ее отдельные моменты, пародируя ужас противника, растерявшегося от внезапной атаки. Из отряда разведчиков не уцелел никто.

Через некоторое время, очевидно, в неприятельском войске поняли, что их отряд попал в засаду. Мальчики видели, как люди на другом берегу засуетились и вскоре несколько плотов, связанных из срубленных тополей, были спущены на воду. Началась переправа. В бурной воде плоты наталкивались друг на друга. Несколько человек не удержалось и рухнуло в воду, что грозило неминуемой гибелью не умеющим плавать воинам. Некоторые смельчаки пускались вплавь, держась за гривы своих лошадей. Но удержаться на плаву в бурлящем потоке было очень сложно.

Воинов было очень много. На берег острова выбирались все новые и новые люди. Манас насчитал их не менее восьми сотен. А их, ребят, было восемьдесят четыре человека — в десять раз меньше.

Юнцы сбились в кучу на открытом пространстве посередине острова. Прижавшись друг к другу спинами, они ожидали подхода врага. И вскоре ребята оказались в центре армии противника.

— Манас, это из-за тебя мы сейчас погибнем, — проговорил Кёкчё. — Зачем мы убили их разведчиков? Надо было скрыться. А мы выступили против хана Кытая. Это же его войско. Теперь и убежать даже не сможем!

— Эй, Кёкчё! Будешь вести такие речи, всех моих парней перепутаешь! — засмеялся Манас. — Из нас здесь только трое-четверо, кому двадцать лет исполнилось, а остальные от страха дрожать еще не научились! Мы молоды, для нас честь погибнуть на поле боя. Сколько ребят умерло от болезней! Скольких оспа унесла! А мы погибнем как герои!

Пока Манас говорил, из войска неприятеля выехал вперед громадный воин Кымкар, размахивая мечом. Манас хотел принять вызов, но Айнакул удержал его: «Ты же хан». Вперед вырвался Кёкчё, сильно хлестнув камчой коня. В

¹ Бек — правитель города или области в ханстве.

мгновение ока он сшиб Кымкара своим не знающим поражения копьем. Но ему навстречу уже спешил Болджонг, целясь из лука. Внезапно прогремел выстрел, и Болджонг кубарем полетел на землю. Это Манас поспешил на выручку Кёкчё, выпустив пулю из своего Аккельте.

Тут пришли в движение все воины неприятеля. Казалось, лавина сметет юных смельчаков в одну секунду. Но с быстротой молнии летели стрелы ребят, гремели их ружья, сверкали мечи. Возле них уже высилась гряда убитых людей и коней, мешая нападающим добраться до молодых джигитов.

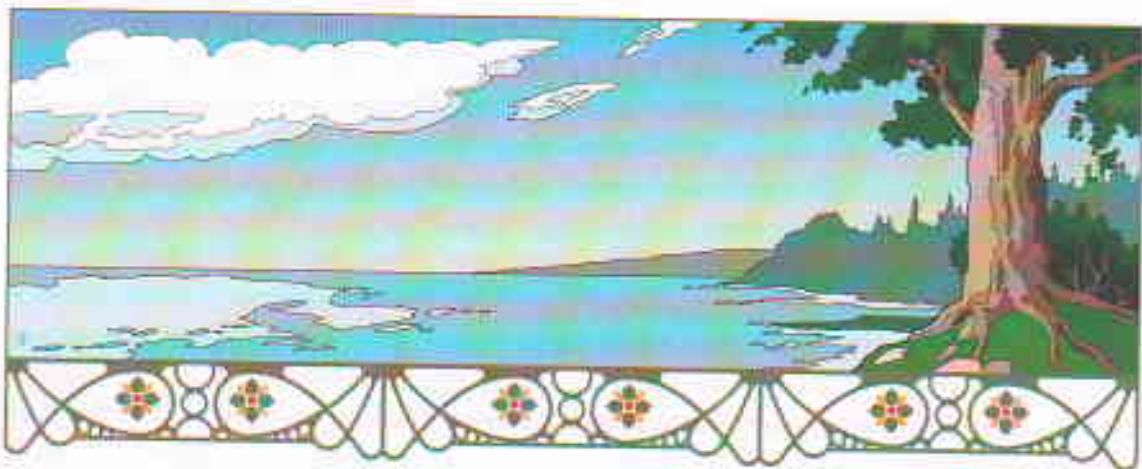
Вдруг Манас увидел гигантского роста воина в сверкающей одежде предводителя, который бросился на казахского храбреца Кёкчё и с силой вырвал того из седла. Издав душераздирающий вопль, Манас напал на Нуукера. Он буквально вцепился в спину противника, пытаясь стянуть его с коня.

И, о чудо! Манас почувствовал, что его мышцы наполняет какая-то энергия, что он может сокрушить горы и подтянуть небеса. «Манас! Манас!» — закричали его друзья. И этот крик, тысячекратно усиленный, с такой мощью прокатился по равнине, что у многих кытаев полопались перепонки. «Чилтены!» — догадался Манас, удерживая на весу Нуукера и схваченного им Кёкчё. Наконец кытай выпустил казаха, и Манас с силой бросил противника оземь.

Враги были сломлены яростью и доблестью бойцов Манаса, которым помогали невидимые чилтены. В ужасе бежали кытай к реке и бросались в ее бурные воды. Пронзительный крик юношей раздирал души кытаев и лишал их отваги. Лишь немногие выбирались на противоположный берег, без сил падая с лошадей.

Ребята подсчитали свои потери. Оказалось, что только семеро ранены, да и те могли держаться в седле. Из восьмисот кытаев лишь немногим более двухсот удалось бежать. Опьяненные успехом воины Манаса собрали уцелевших коней противника, оружие и ценные вещи. Все это они погрузили на добытых лошадей. Одевшись в дорогие одежды кытаев, ребята дурачились и смеялись. К Манасу же все подходили с почтением и невольным страхом. Все чувствовали, что их победа — заслуга Манаса и его необычайных способностей. Ребята тут же дали ему прозвище — Кровожадный Тигр.

Избрание ханом

В этот день на берегах Айдын-Кёля было шумно. Весь народ собрался послушать рассказы вернувшихся с трофеями юных воителей. Все поражались доблести и храбрости своих сыновей. Затаив дыхание, слушали рассказ о необычной силе Манаса. Многие были свидетелями ее проявления во время битвы с Незкарой. Видимо, Всевышний был на стороне этого юнца!

Наконец поднялся бай Джакып, и все взоры устремились на него.

— Здесь собрался весь наш народ, — начал кыргызский бай свою речь. — Все племена, которые считают друг друга братьями. Мангулы из разных родов и среди них Джайсанбай-храбрец, беки Кюльдюр и Калдар. Манджуры во главе с Манджиком и стариком Дегёном. Другие алтайские и казахские племена. Алчины, уйшони, найманы. От аргынов Каракоджо, от абаков богатырь Айдаркан, от кыргызов Саламат. От кыпчаков приехал красноречивый Таз, от нойгутов Акбалта, от тоту бий¹ Токтоо. От локушей Омурзак, от узбеков Дамулда и острослов Абдылда. От ногоев я, бай Джакып.

Мы с вами восстали против великого хана Кытая. Дали отпор его воинам. Но Кытай велик. Нам не устоять против его могучей силы. Если придут сюда войска великого хана Эсена, то наши жены станут вдовами. Многие из нас убьют, а остальных продадут в рабство. Скот наш весь угонят. Но если придет смертный час, давайте сразимся и умрем! Кытай все равно житья нам не дадут!

Собравшиеся слушали Джакыпа молча, а когда он смолк, все закричали разом:

— Мы разбили шеститысячное войско Незкары!

— Наши мальчики сразились и победили Нуукера с его девятью сотнями солдат!

— Мы готовы биться с врагом!

¹ Бий — судья (здесь — глава, вождь рода).

— Мы не будем рабами! Лучше смерть!

— Друзья, — продолжил кыргызский бай, — мы все готовы сражаться за нашу землю. Но мы с вами разъединены. У нас нет одного правителя. Мы должны выбрать хана, чтобы у него в руках была власть и сила. Чтобы он охранял наши границы. Чтобы у него была своя дружина, способная сражаться с противником. Нас не должны застать врасплох враги! Станем единым народом.

Зашумели люди:

— Верные слова сказал бай Джакып!

— Давайте выберем хана!

Поднялся мудрый Бердике и сказал:

— Хвала баю Джакыпу! Правильно он рассудил. Здесь много достойных, из которых мы с удовольствием выберем себе хана. Пусть выйдет вперед тот, кто добровольно хочет на себя возложить тяжелое бремя власти. Тот, кто говорит всегда правду, готов помочь бедному, сразиться с врагом. Кто смел и красноречив. Кто знает, в чем смысл власти! Выходи вперед!

Загудел народ, но ни один из предводителей племен не двинулся с места. Тут поднялись восемьдесят юношей, которые только что вернулись с охоты.

— Мы не белобородые старики, — начал говорить Айнакул, — но мы — сыновья всех племен и родов, которые здесь сидят. И мы уже выбрали нашего хана. Это — Манас! Может быть, и старейшины провозгласят его нашим вождем?

С места вскочил узбек Абдылда:

— Видать, ты в визиря¹ метишь?

Но никто не обратил внимания на слова Абдылды. Народ с одобрением принял предложение юношей. Лишь казахи ворчали, уверяя, что их Кёкчё мог бы быть достойным ханом.

— Если есть кто-то, кто против избрания Манаса ханом, пусть встанет и скажет об этом. Чтобы никто потом не говорил, что не выбирал Манаса в правители! — прогремел голос Акбалты.

Но тут поднялся сам Манас:

— Меня выбрали товарищи за то, что я хотел зарезать им коня. Я считаю это недостаточным поводом для избрания ханом. Выберите другого. Торгоутов и казахов здесь намного больше, чем кыргызов. Пусть они выдвигнут хана.

Народ пришел в замешательство. Начались споры. В конце концов решили, что надо выбрать ханом бая Джакыпа, а Манас пусть будет при нем батыром.

Тут же вскочил Кёкчё:

— Если бай Джакып будет ханом, а Манас батыром, то меня изберите предводителем войска — тюре!

— Пусть казах будет тюре! — закричали люди. На том и порешили.

¹ Визирь — советник правителя.

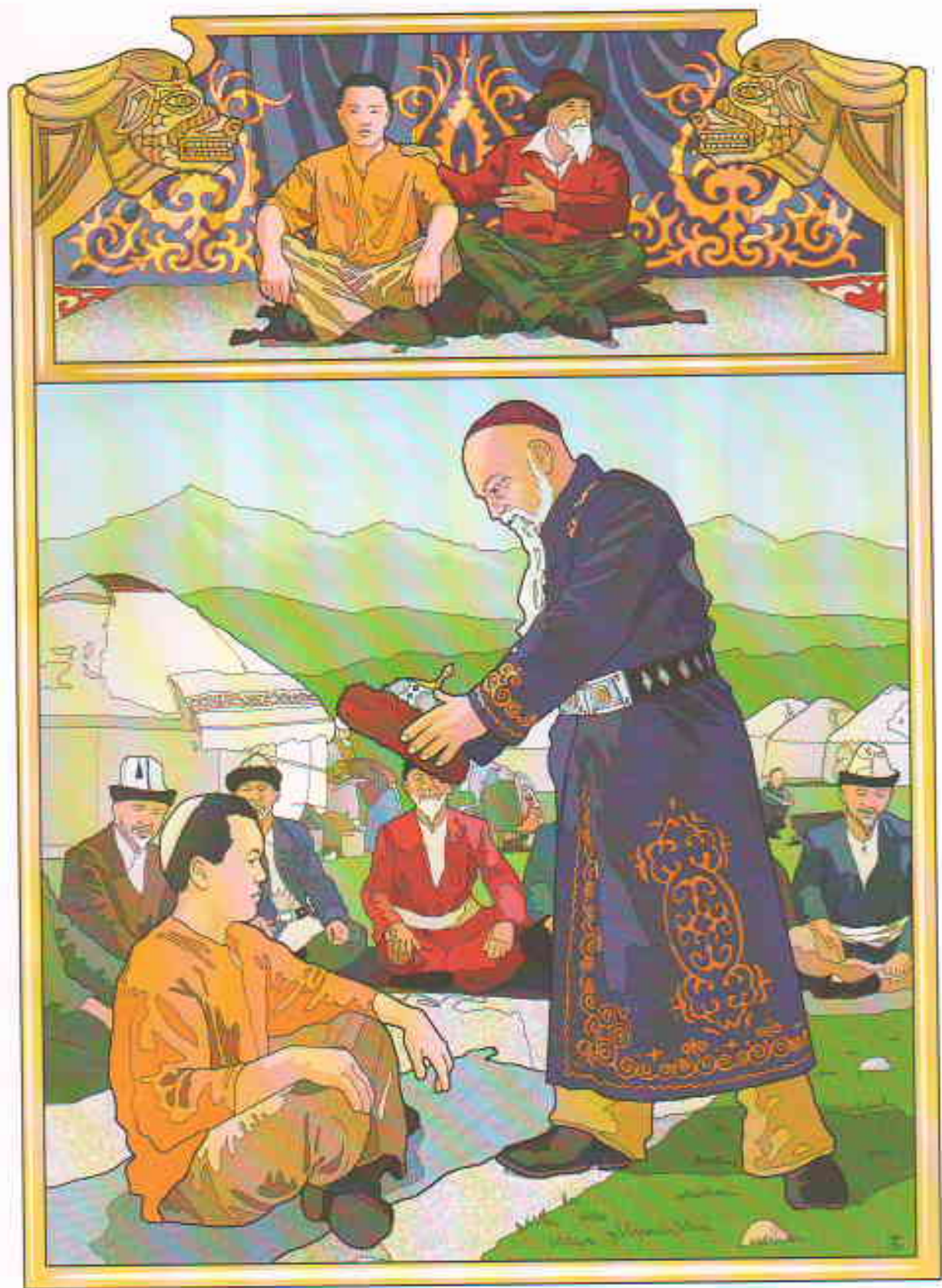
Акбалта и Бердике взяли бая Джакыпа под руки и подвели к народу. Расстелили белый войлок и хотели посадить на него Джакыпа. Но тот противился, и по его лицу текли слезы.

— Я счастлив, что вы оказали мне такое доверие, но я стар. Не вводите меня в грех. Как я могу стать вашим ханом вместо сына? Поставьте лучше достойного. Моего сына! — растроганный старик не смог удержать рыдания.

Его все же посадили на войлок, но рядом сел и его сын Манас. Люди подняли кошму и, сделав семь почетных шагов, опустили ее на землю — и Джакып сошел.

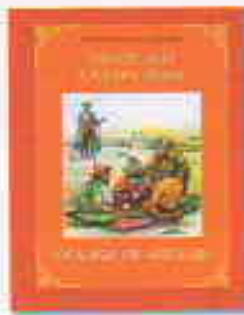
Семь раз обнесли Манаса на белом войлоке по большому кругу мимо восторженно кричавших людей. Потом Манаса посадили рядом с баем Джакыпом и возложили на голову юноши меховую шапку со знаком ханской власти — джыгой. Над ним развевалось алое знамя его великого деда Ногоя. Оно видело величие этого рода, а теперь стало свидетелем рождения новых славных дел. Впереди было грозное будущее, и в нем должно было греметь славное имя потомка Ногоя. Манас! Манас! — это имя уже известно врагам. Уже сейчас оно наводит ужас на противника. Какие дела ждут народ, которым будет править хан Манас? Смирился ли с поражением Незкара? Что предпримет хан Кытая Эсен против Манаса и бая Джакыпа? Все это в будущем, а сейчас кыргызский бай приказал зарезать девяносто кобылиц, чтобы народ отпраздновал избрание его сына ханом. Девять дней будет длиться той, а затем люди разъедутся по домам, чтобы продолжать свою размеренную и вместе с тем полную тревог жизнь кочевников. Но они все уже будут единым народом. С одной судьбой, счастьем и горем. И в далеком будущем их назовут кыргызским народом.

СЕРИЯ «КЫРГЫЗСКИЕ СКАЗКИ»

В серии вышли:

В серии выйдут:

«Сказки о животных»

«Манас — великий хан кыргызов»

Литературно-художественное издание

Юность Манаса

Литературная обработка *Кадыров Виктор Вагитович*

Редактор *Л. И. Гривощенко*

Художник *Э. В. Халмурзаев*

Дизайн *О. В. Кадырова*

Компьютерная верстка *Е. Д. Елфимова*

Формат 70x100^{1/16}, Гарнитура «Академическая», Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,19. Тираж 5000 экз.

ISBN 996742430-3

9967424303

Издательство «Раритет»

Кыргызская Республика, г. Бишкек, пр. Чуй, 271/14

тел./факс: (996 312) 66 44 93; тел. (996 312) 65 62 56

E-mail: olaf@elcat.kg; www.books.kg

Отпечатано в полиграфическом центре «Мета Басма», Турция

*Всякое в этом рассказе найдешь,
Перепутаны правда и ложь.
Нет свидетелей тех чудес,
Быль и небыль смешаны здесь,
Это рассказы древних лет,
Прошлого неизгладимый след...*

эпос «Манас»

РАРИТЕТ